

Джон Раттлер
**ИСТОРИИ
О ПРИЗРАЧНОМ
ЗАМКЕ**

Кровь, пепел и огонь
Книга пятая

Джон Раттлер
Истории о Призрачном
замке. Кровь, пепел
и огонь. Книга пятая

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70198228
SelfPub; 2023*

Аннотация

Призрачный замок – это не просто замок. Это, если честно, вообще не замок. Откройте книгу, ответы внутри.

Джон Раттлер

Истории о Призрачном замке. Кровь, пепел и огонь. Книга пятая

Ветер кружил сухие снежинки, с шуршанием волоча их по твердому насту. В свете северного сияния кристаллы льда мягко сверкали, переливаясь разными цветами, заставляя жмуриться старика, одиноко сидящего посреди бескрайней пустыни, погруженной во тьму полярной ночи. Мороз выбелил мех на его шапке и рукавицах, посеребрил редкую бородку и ресницы. Старика звали Куркыль – как ворона из северных сказок. Он был слишком стар, чтобы жить, но ещё достаточно молод, чтобы радоваться. Ему нравилось наблюдать за игрой света на гранях ледяных кристаллов, чувствовать свежесть ветра и простор тундры. Старик уже начал остывать, и это было хорошо. Скоро старый Куркыль заснет, а проснется уже там, далеко, где вечно сияет Альтаир, начало всего сущего – живого и неживого.

В небесах мигнула огненная сеть, вспыхнула и потухла, оставив на сетчатке глаз память красных линий. Северное сияние слегка потускнело, но тут же набрало прежнюю яр-

кость. Старик потёр меховой перчаткой глаза, прогоняя навязчивое. В темном небе снова моргнуло, задержавшись немного дольше. Сзади раздался низкий, утробный, похожий на рычание, звук. Куркыль нехотя оглянулся, посмотрев через плечо, ненадолго замер, испугавшись, а затем приподнялся на больных коленях, разворачиваясь к северу.

Полыхая пламенем, в паре сотен шагов от старого чукчи стоял хозяин огня. Он не обращал на Куркыля никакого внимания, и старик принялся наблюдать за ним, снова подобрав под себя ноги. Его неподвижно сидящую на снегу фигуру сложно было заметить.

Хозяин огня поднял руки и снова сказал что-то страшным голосом. Вспыхнув в третий раз, горящая сеть в небесах не потухла, напротив, она раскалялась, и Куркыль услышал, как гудят ее нити, забирая силу у северного сияния. Ионизация верхних слоев атмосферы тускнела на глазах, пока совсем не исчезла. «А, может, ее просто затмил свет этой огненной ловушки?» – подумал старик. Теперь горящие ячейки стали голубыми, они гудели и потрескивали, и иней на шапке старика начал таять. Хозяин огня опустил руки, заметив в ярком свете своего летучего невода фигуру незваного гостя. Он подошёл, медленно ступая по хрупкому насту и склонился над Куркылем.

– Пламя жизни угасает в твоих глазах, старик, – сказал хозяин огня. От его панциря шел жар, он согрел кости Куркыля.

– Твоя ловушка для духов не дает мне уйти. Холод и тьма мои проводники. Слишком жарко, слишком светло.

Огромные рога хозяина огня качнулись, он опустился на колени рядом со старцем, и панцирь его в один миг потух, выпустив из щелей густой дым, который подхватил и унес северный ветер.

– Смерть. Я подожду. Хашат подождёт. Майронида подождёт.

Он щелкнул закованными в кожаную броню пальцами, и огненная сеть погасла. Снова стало холодно. Старик щурился, разглядывая хозяина огня, который сидел перед ним, красивый и стройный.

– Не убивай наших духов, – сказал Куркыль.

– Арм нельзя убить, – ответил хозяин огня, – ибо он бессмертен.

Мир погрузился во тьму. На небе снова медленно разгоралось северное сияние, зелеными всполохами освещая рогатую фигуру, неподвижно сидящую рядом с маленьким умирающим человеком.

ЛИНЧЕВАТЕЛЬ

Проводники грелись у костра, сидя на берегу Заячьего озера. Весеннее солнце только начало набирать силу, согревая стволы торчащих из ещё белого снега сосен, отчего они источали дразнящий запах смолы. В кронах щебетали пер-

вые птицы, и их песни будили в душах людей лучшие чувства. Один из проводников – Вадик, по кличке Сапог, снял с ветки кусок черного хлеба, который запекал на огне, подул на него, откусил и, неторопливо пережевывая, заметил, обращаясь к коллеге, совсем молодому парню, которого звали Сергеем:

– Смотри. Он так и сидит. У него задница, должно быть, из армированного бетона.

Его собеседник повернулся и посмотрел на фигуру человека, сидящего на очищенном от снега квадрате льда в паре сотен метров от берега. Человек был совершенно голый.

– Он стелит тряпку. Я подходил вчера поглядеть.

– А ты, сколько сможешь вот так? Даже на тряпке?

Молодой усмехнулся.

– Да нисколько. Делать мне больше нечего. У тебя ещё хлеб есть?

– Нет, последний пожарил. Ты своих когда назад?

Пересчитав глазами туристов, которые собирали палатки в лагере рядом с кунгом, Сергей ответил:

– Ещё трое где-то лазают. Как вернутся, так и двинем.

Они продолжали болтать, рассуждая о погоде во второй половине дня и о возможности снегопада. Муно слушал их голоса в полуха, думая о вещах, которые лежали в совершенно иной плоскости нашей реальности. Его ногам не было холодно – под тонкой материей теплоизолятора, который пар-

ни на берегу так наивно обозвали тряпкой, не таял лёд.

Все его пожитки были спрятаны в расселине, недалеко от того места, где Муно устроил место для ночлега. Он выбрал участок под нависшей скалой – крошечное плато на склоне Акатака. Это было укрытие того самого отшельника, дом которого сожгли обезумевшие крестьяне во время чумного погрома. Но Муно не знал об этом. Он сделал свой выбор так же, как сделал его давным-давно Маркус Ирминг. Безопасно, безлюдно, хороший обзор и есть куда отступать.

Одежда убийцы лежала, аккуратно сложенная стопкой, на берегу Заячьего озера. Он приходил сюда каждый день ровно в одиннадцать часов утра, очищал от снега один и тот же участок льда, раздевался, стелил теплоизолирующий коврик и усаживался, подобрав под себя ноги. Вот уже месяц Муно ежедневно проводил на замёрзшем озере по два часа в день. Он ждал. Русский сказал, что Хранителя можно найти только так, и Муно чувствовал, что он не лжет. Они оба были убийцами, оба умели читать людей. Муно знал, что Виктор тогда увидел все, что было в душе незваного гостя. Иначе он никогда не отпустил бы такого человека.

Пришлось изрядно повозиться, чтобы вычислить главу Агентства. После гибели Фаркаста Муно будто начал просыпаться – к нему вернулась боль, а вместе с ней и острота мышления. Предвестник давно мечтал подобраться к Агентству, но эти парни хорошо знали свое дело. Они не пользо-

вались телефонами для связи с вышестоящим руководством, действуя подобно латам, целатам и рацелатам самого Гордона Фаркаста. Однако, связь существовала и была весьма эффективной, судя по скорости, с которой Агентство реагировало на непредвиденные изменения во время проведения операций. Муно стал искать способ, с помощью которого русские киллеры общались с командирами, и быстро обнаружил его в клетках с голубями. Везде, где он находил тщательно скрываемые следы деятельности Агентства, во всех норюшках, засадах и явках ему попадались перья и птичий помет.

Муно начал с квартиры начальника русской разведки Карпова, который очень кстати покончил с собой сразу же после событий в Турции, которые привели к гибели Гордона Фаркаста, когда Никто сгорел в пламени ада, дергаясь в руках Гектора Хронвека. Муно все видел – он так и не смог убить своего хозяина, в последний момент опустив руку, готовую нанести смертельный удар. Он убежал, но затем вернулся и стал наблюдать сверху, затаившись в скалах. Муно не знал, чего ждёт. Может быть, он хотел посмотреть, справится ли Никто с болью, совладеет с собой или нырнет, наконец, в темные воды реки Стикс, чтобы принять удел, положенный любому смертному. Но все вышло иначе, все вышло так, как не мог предположить ни Фаркаст, ни Муно, ни даже Хронвек, который едва уцелел во время взрыва на яхте. И вот теперь лишенный хозяина пёс искал того, кто сде-

лал его свободным. Зачем? Муно не знал. Но он знал, что совпадений не бывает.

В соседнем доме, именно там, где и положено, киллер нашел норушку Агентства. За Карповым следили, это была сложная цель, сначала ее необходимо было изучить. Голубиные перья и помет на полу Муно заметил потому, что уже видел такое сочетание во время расследования инцидента в пустыне, у разрушенного портала, когда сорвалось покушение на Гектора Хронвека. Фаркаст не рассчитывал, что его враг там объявится, но на всякий случай приготовил ему сюрприз. Когда лат не вышел на связь, Муно вылетел на место.

Игроки Агентства уже покинули зону раскопок, однако остались следы. Ветер пустыни успел занести их, но личный убийца Никого откопал под слоем песка перья и птичий помет там, где раньше стояли клетки с голубями.

Муно повезло – как охотнику, который несколько месяцев, терпеливо выслеживает заветную добычу. Повезло неизбежно. Одна из птиц выпорхнула из клетки, когда игроки покидали норушку в доме напротив квартиры директора Карпова. Голубь забился под самый потолок и пребывал в весьма плачевном состоянии, когда Муно его обнаружил. Две недели убийца выхаживал его, кормил и поил с рук, пока тот не оправился. Дождавшись, когда голубь вновь сможет летать, киллер ввел ему под кожу микро трекер и отпустил.

Почтовый голубь из ниоткуда не берется, используется

крайне редко и требует ухода. С помощью его Муно быстро нашел дом в московском парке. Птицы стекались к нему со всех сторон света, влетали и вылетали в маленькое чердачное окошко. Через два дня долговязый убийца нанес визит хозяину поместья.

Никем не остановленный, он вошел с парадного входа, неторопливо открыл входную дверь, снял пальто и шляпу, пристроив их на стоящую у двери вешалку, и направился в гостиную. Он знал, где искать Виктора, и, в отличие от Первого игрока, не удивился, когда его увидел.

Виктор вскочил, но Муно проигнорировал его пистолет, уселся на диван, уперев локти в колени, и сказал:

– Я ищу Гектора Хронвека.

Первый игрок понял, что посетитель безоружен. Он снова сел, закрыл ноутбук и спросил:

– Где твой хозяин, Муно?

Гость хрустнул костяшками своих тяжёлых кулаков и совершенно равнодушно сказал:

– Он умер.

Виктор кивнул.

– Зачем тебе Хронвек?

– Хочу поговорить. Скажи мне, где он?

Первый игрок хорошо знал таких людей. Если Муно пришел сюда без оружия, он играет в открытую. «Хотя, для него это никогда не было игрой», – подумал Виктор, рассматривая угрюмое лицо киллера. В его душе темнота, которая по-

лезла наружу, когда этот пёс лишился хозяина.

– Я скажу тебе, как найти Гектора. Но ты не сможешь с ним встретиться, если он не захочет этого.

Муно кивнул, продолжая неподвижно сидеть, вперив немигающий взгляд в Первого игрока. Он ждал, когда ему назовут цену.

– Я хочу знать, как твой хозяин смог активировать ядерное оружие, не имея доступа к красной кнопке, – добавил Виктор.

На лице Муно появилось подобие усмешки.

– Любую защиту можно обойти.

Виктор кивнул:

– За такого специалиста дадут все, что угодно. Как и за его голову.

– Хочешь, чтобы я сказал тебе, где он?

– Скажи, и я отвечу на твой вопрос.

Взгляд Муно вдруг изменился – теперь киллер глядел в пространство, и Первый игрок понял, что мрачного человека захлестнули воспоминания. Это продолжалось пару мгновений, а затем Муно собрался и снова уперся взглядом в Виктора.

– Искать не нужно. Он перед тобой.

Брови Первого игрока полезли вверх.

– Ты шутишь? Я не в том настроении, Муно.

Гость пожал плечами.

– Твоя охранная система. Кажется, она не сработала. Дав-

но проверял?

– Тут установлено подавление. Ничего снаружи не может внедриться в сеть. Как ты ее взломал?

– Снаружи не может. А изнутри может.

Виктор прищурился.

– Позавчера прилетел голубь без письма.

– Такое случается иногда. Человеческий фактор. На твоём месте я бы установил на чердаке датчики электромагнитной активности.

Первый игрок покачал головой, все еще не веря. Муно – программист? Это покрытое старыми шрамами лицо с печатью застарелой ненависти, этот тяжёлый, как урановая болванка, взгляд. За всем этим сложно разглядеть интеллект, и все же он им обладает.

– Значит, ты смог взломать системы ядерной защиты трех стран.

– Восьми.

– Похоже, планы Фаркаста простирались дальше, чем мы предполагали.

Муно медленно распрямил спину и откинулся на спинку дивана. Он все делал медленно, будто каждое движение причиняло ему боль.

– А теперь скажи мне, где искать Гектора Хронвека.

У Виктора было ещё много вопросов, но все они были второстепенные. Хранитель жив, Предвестник мертв. Остальное прояснится, когда Призрачный замок вернётся на Зем-

лю. Муно хочет встретиться с Хронвеком – прекрасно.

– Я отправлю Гектору весточку, но прочтет он ее через один или два месяца. Точнее сказать не могу. Ожидай его у подножия горы Акатак на берегу Заячьего озера каждый день в одно и то же время. Хронвек встретится с тобой, как только письмо дойдет до него. Если он захочет, конечно.

– Я просто хочу поговорить с ним.

– Многие хотят с ним «просто поговорить», – съязвил Виктор, – тебе придется каким-то образом продемонстрировать свои миролюбивые намерения. Не знаю, как ты будешь выкручиваться.

И вот теперь Муно сидел на льду и ждал. Каждый день, с одиннадцати до часу он ждал Хронвека, ждал, раздевшись догола в знак того, что не имеет при себе оружия и злых умыслов. Для воина не было более яркого жеста. Гектор был воином, киллер видел его в бою. Он должен понять.

Солнце медленно ползло по небу, согревая кожу голого человека. Проводники и туристы собрали палатки и ушли, а Муно по-прежнему сидел, хотя время уже давно перевалило за полвторого. Глаза его смотрели в прошлое, которое последние дни начало проступать сквозь пелену ненависти. Кулаки долговязого убийцы сжимались и разжимались, не в силах изменить того, что давно случилось.

Муно не услышал приближения Гектора, однако не испу-

гался, когда Хронвек заговорил, подойдя сзади.

– Оденься, Муно.

Одежда киллера упала рядом. Гектор обошел его и замер, наблюдая, как тот натягивает штаны. Дождавшись, когда Муно оденется, Хранитель сказал:

– Пойдем.

Гектор направился в сторону потухшего костра, который остался после ухода туристов. Проводники закидали головешки снегом, полностью потушив огонь. Хронвек вытянул руку и щелкнул пальцами – ничего не произошло.

– Странно, – проворчал он себе под нос, резко дёрнул запястьем и поленья вспыхнули ярким пламенем, которое мгновенно растопило снег и костер весело затрещал, плюясь искрами.

Муно протянул вперёд руки, греясь. Гектор сказал:

– Для меня ты загадка, Муно. Зачем ты спас меня в поместье Предвестника?

Убийца посмотрел на Гектора своим тяжёлым взглядом и ответил:

– Это было неправильно.

– Что было неправильно?

– Убивать тебя вот так.

Хронвек покачал головой и уселся на бревно. Муно остался стоять.

– Знаешь, Муно. Мне кажется, ты хочешь что-то рассказать мне. Я готов слушать.

Долговязая фигура киллера ссутулилась, ноги его подогнулись, и он медленно сел прямо в снег. Гектор вскочил и подхватил Муно, помогая ему подняться.

– Да ты болен! Сколько дней ты провел здесь?

– Столько, сколько было нужно, – ответил Муно и повалился без сознания.

Очнулся он в комнате с каменными стенами. У стен стояли различные устройства – часть из них Муно узнал, остальные были ему неизвестны. Оглядевшись, он понял, что лежит в подобии больничной палаты. Узкие стрельчатые окна пропускали в помещение мягкий свет, тихо пиликал кардиомонитор в изголовье кровати. Муно попробовал сесть и обнаружил в руке канюлю капельницы. Немного приподнявшись на подушках, он поискал глазами дверь, но взгляд его остановился на больничной каталке, стоящей в нескольких метрах. На каталке сидело крошечное существо в колпаке и пялилось на него любопытными глазками. Муно расслабился. Очевидно, это действие препаратов. Чем его накачали?

Существо стянуло колпак и что-то проверещало. Киллер проигнорировал галлюцинацию и прикрыл глаза. Чувствовал он себя хорошо, если не считать видений. Когда он снова открыл глаза, человечка не было.

Муно поднял руку и повернул капельницу, чтобы прочитать надпись на этикетке. Глюкоза. Ничего необычного.

Круглая палата, каменные стены, дубовая, обитая медны-

ми полосами дверь. Наборные окна с разноцветными стеклышками. Что это за место?

Его размышления прервал скрип входной двери. Хронвек вошёл бодрым шагом, подхватил табуретку и уселся рядом с кроватью.

– Ты проспал больше суток. Как самочувствие?

– У меня галлюцинации.

– Галлюцинации? Такие маленькие человечки повсюду?

Муно удивлённо кивнул:

– Один. Он сидел вон там, на кушетке, а потом пропал.

– Это Кру-тиль. Он увидел, что ты проснулся, и побежал за мной.

– Кру-тиль?

– Нугл. Неважно. Ты здоров, Муно. Теперь ты готов рассказывать?

Пациент не ответил – в проёме двери появился черный женский силуэт.

– От него пахнет голодом, – сказала Дака Кад-Хедарайя.

Муно покачал головой:

– Я не хочу есть. Просто... просто выслушай меня, Гектор Хронвек.

Черная Пантера скользнула по его лицу взглядом и молча вышла, прикрыв за собой дверь. Хронвек кивнул:

– Рассказывай.

Над головой гудели высоковольтные провода.

Держась одной рукой за опору, Муно Садриани работал гаечным ключом, прикручивая последний болт кронштейна, на котором должен был висеть ретранслятор спутникового сигнала. Это была точка, которая соединит цепь устройств, обеспечив бесперебойную работу широкополосного интернета в целом районе.

Муно всегда мечтал это сделать – обеспечить связью свой родной город. Он был уверен, что образование – единственный способ изменить жизнь людей. Умный человек не пойдет на улицы грабить. Человек образованный увидит и другие способы заработать. А с доступом к интернету и телефонии появится возможность удаленного обучения, в затерянный на южноафриканском плоскогорье городок придут учителя со всего мира, они будут обучать малышей, говоря с ними при помощи технологий спутниковой связи.

Молодой программист был убежден, что образованный человек не сможет ненавидеть соседа за то, что он верит в других богов. Что тот, кто обладает знаниями о прошлом человечества и о возможностях, которые открывает будущее, не станет тратить силы и время на войну и угнетение других. И поэтому он сидел в тридцати метрах над землёй, уцепившись за опору линии электропередачи и крутил гайки.

Садриани был самым перспективным студентом на факультете. Ему предлагали работу крупнейшие корпорации мира, но он уже давно все решил. Все эти гиганты думают только о прибыли, и никто из них никогда не вспомнит о людях, ради которых Муно стал лучшим в своём деле.

Он знал все существующие языки программирования и мог починить или взломать любую систему. Мог вмешаться в работу устройств, действующих в автоматическом режиме в тысячах километров от точки входа в сеть, мог изменить состояние банковских счетов. Муно даже мог нарушить работу военных спутников.

И все это ему пригодилось, когда он начал воплощать в жизнь свою мечту.

Американский производитель персональных компьютеров уже отправил крупную партию оборудования в Путаройю, которая раскинулась далеко внизу, под ногами Муно Садриани. Японские, французские и английские спутники обеспечивали связью антенны, ретрансляторы усиливали сигнал. Крупные банки, сами того не зная, оплатили всю эту роскошь, а энергетическая компания не заметила, как в списке ее обязательств появилось обслуживание новых узлов.

Ретрансляторы, которые установил Муно, питались от электромагнитного поля высоковольтных проводов, висящих над головой. Он всё сделал правильно – такая система будет работать очень долго. Достаточно долго для того, что-

бы с ее помощью вырастить поколение образованных людей. И тогда не будет больше в Путаройе банд. Не будет наркоторговцев и шлюх, не будет эпидемии СПИДа. Муно не считал, что ворует у корпораций. Это не было воровством – это был налог на жизнь. Выплата долга людям, о которых все забыли. Муно считал, что это совсем небольшая плата за то, чтобы у них было будущее.

Муно мог бы просто дать им денег, но он прекрасно понимал, что человек меняет свою жизнь только после того, как изменился сам. Осыпь этих людей богатствами – они удивятся, обрадуются и продолжат убивать друг друга, только теперь из золотых пистолетов.

Гудение над головой приобрело новые тона. Он посмотрел вверх, но ничего не заметил. Муно вернулся к работе, закрепил ретранслятор на кронштейн, включил питание и обернулся, чтобы перед спуском проверить страховочные ремни.

Он увидел вертолеты и только теперь различил в монотонном гуле проводов звук рубящих воздух лопастей. Пять боевых машин летели на Путаройю широким клином, заходя на город с запада.

Опора ЛЭП, на которой сидел Муно, торчала из пустыря недалеко от центра города. На этот пустырь выходил задний двор дома его родителей, итальянских эмигрантов, уже два поколения живущих в южноафриканской республике. Ещё

подростком Муно мечтал забраться на опору, после того, как ее установила энергетическая компания. И вот он здесь, на самом верху.

Вертолеты пронесли над головой Муно Садриани. В полете они сбрасывали цилиндрические предметы, которые падали на крыши и между домами. Муно сжался от страха, но взрывов не последовало. Винтокрылые машины умчались прочь, и тогда снизу до Муно донеслись страшные звуки.

Крики детей и взрослых. Рыдание женщин, мольбы о помощи. Ужас парализовал Муно, он заставил его вцепиться в металл. Под его ногами происходило что-то противоестественное, что-то, что не должно было случиться никогда и нигде.

Вот в просвете между домов показалась фигура ребенка – он полз, извиваясь, и кричал. Муно понял, что тоже кричит. Он смог, наконец, оторвать пальцы от опоры и начал спускаться. Руки дрожали, поэтому делал он это медленно, хотя и старался изо всех сил, сжав до боли зубы.

– Муно, Муно! Оставайся наверху, мой мальчик, прошу тебя!

Он увидел бегущую по пустырю мать. На руках у нее сидел младший брат, ему недавно исполнилось три года. Мать подбежала к опоре и попыталась вскарабкаться наверх, но у нее ничего не получалось. Она плакала и умоляла Муно оставаться наверху, и поднимала над головой свое дитя.

А потом газ проник в ее лёгкие и они оба погибли.

Муно кричал и полз вниз, ломая ногти. Только в пяти метрах от земли его инстинкт самосохранения сработал, сковав мышцы ужасом. Так он и просидел почти до самого вечера, пока не нашел в себе силы двинуться дальше.

Он похоронил на заднем дворе мать, отца, пятерых братьев и двух сестер, дядю и тетю, пса, трёх котов и морскую свинку, поставил на могилу крест и побрел прочь. Мимо купленных им под классы помещений, мимо покрытых ужасными язвами трупов взрослых и детей. Мимо цилиндров, упавших с вертолетов.

Муно никто не ждал и не искал. Он остался один в этом мире, и не знал, куда идти. Он сел на чей-то мотоцикл и поехал по дороге – просто, чтобы продолжать двигаться.

Мимо него проносились машины с мигалками и военные грузовики, спешащие в Путаройю. Муно стал смеяться – громко и зло, и никак не мог остановиться. Спешить уже поздно, думал он. От смерти не убежать, как ни беги. Ведь она не гонится за тобой, а ждет впереди. Жители Путаройи больше никуда не идут, их путь окончен.

Его немного отпустило, и он остановился возле закуской. Вошел внутрь и сел за столик, как делал много раз до этого. В голове было пусто, но из этой пустоты то и дело выплывали ужасные картины недавних событий. Подошла официантка и что-то сказала, но Муно ее не услышал. Посмотрев в его пустые глаза, девушка молча удалилась. За соседним столиком сидела группа военных, они сделали боль-

шой заказ, нужно было торопиться.

Солдаты о чем-то беседовали. Муно слышал их, но не слушал. Молодой солдат сказал, глядя в окно на проезжающие мимо машины с мигалками:

– Говорят, вертолеты летели со стороны авиабазы Гуро.

– В Путаройе стало слишком много вольнодумцев из черного конгресса, – ответил другой.

– Давно пора было с ними разобраться, – бросил кто-то.

Первый солдат осторожно спросил:

– А правда, что их отравили газом?

– Не знаю. Может, и правда. Всем скажут, что случилась авария, и делу конец.

– Не будут наглеть, – подытожил офицер.

Муно вышел на улицу, сел на мотоцикл, развернулся и поехал назад. На развилке он повернул в сторону Гуро.

Ему было все равно, убьют его или нет. Муно хотел побыстрее добраться до того поворота, за которым его ждала смерть. Он спешил с ней встретиться, но она убежала, оглядываясь и маня костлявым пальцем.

Муно проник на авиабазу прямо посреди дня через дыру в заборе, как бездомный пес, до которого никому не было дела. Ангары, казармы, взлетно-посадочные полосы – все лежало перед ним как на ладони. Возле цистерны с горючим стоял бензовоз, из него перекачивали топливо для вертолетов. Дежурный на вышке глядел в другую сторону.

Муно никогда раньше не стрелял. Он прошел через пустырь, добрался до бензовоза и проник в кабину. Кто-то оставил в ней автомат. Муно взял оружие и выбрался из машины. Обойдя тягач, он увидел двух бойцов – они разговаривали, следя за уровнем горючего в цистерне. Муно выстрелил дважды, затем отстегнул толстый шланг – керосин широкой струей полился на землю. Диверсант сел в бензовоз, отъехал немного в сторону и снова выстрелил. Топливо воспламенилось. Он сел за руль и покатил в сторону трехэтажных казарм, стоящих друг напротив друга. Муно заехал во двор между ними, вышел, застрелил человека в форме, который что-то кричал ему, открыл вентиль, поджег кусок ветоши и швырнул на землю, после чего развернулся и пошел прочь. Он едва успел отойти на безопасное расстояние, как бензовоз взорвался. Ударная волна опрокинула оба здания, начался сильный пожар. Муно заметил, что по нему стреляет солдат на вышке – он остановился, прицелился и с третьего выстрела сбил стрелка с насеста. Больше ему никто не мешал. Цистерны с авиационным керосином пылали. Кричали горящие люди, выла сирена. В суматохе он успел покинуть авиабазу, никем не замеченный.

Заночевал Муно в расселине посреди пустоши, укрыв мотоцикл сухой травой. Он спал, и ему ничего не снилось. Муно Садриани искали всю ночь, но не нашли. А на утро он снова сел на мотоцикл и погнал вперед – ему нужно было в город. Туда, где есть компьютер и интернет.

– Это стало для меня наркотиком, – сказал Муно, глотнув воды из протянутого Гектором стакана. – Я думал, что успокоюсь после того, как убью всех, кто отвечал за газовую атаку, но это был самообман. Я прикончил всех – даже министра. Даже советника президента, застрелил его прямо в кровати.

Он снова откинулся на подушку, поднял руку с растопыренными пальцами и стал разглядывать узловатую ладонь.

– Все время болят. Каждая косточка.

– Это можно вылечить.

Муно горько усмехнулся.

– Тело. Оно болит и стареет. Почему Фаркаст не дал мне умереть тогда? Это было жестоко.

Хронвек пожал плечами:

– Предвестник способен испытывать жалость только к самому себе. Расскажите, как вы познакомились?

Ему дали прозвище – Линчеватель.

Убив советника президента, Муно собирался покончить и с самим главой государства, но в процессе сбора информации о новой цели узнал, что тому было неизвестно об атаке

на Путаройю.

Ночью Муно снились мертвые дети. Они сидели в классе с новенькими партами и слушали голос учителя, который смотрел на них с экрана телевизора. Они все были мертвы, их тела покрывали язвы, а распухшие лица отливали синевой. Учитель рассказывал о химическом строении молекулы иприта.

Муно проснулся весь мокрый и долго не мог вздохнуть. Он оделся, вышел на улицу и побрел в ночи, будто привидение. Навстречу ему попались солдаты – они были пьяны. Возможно, если бы он прошел тогда мимо, все бы закончилось. Но тут они начали обсуждать последнее задание, ругаясь и хохоча. В приграничных районах зачистки все еще проводились, до конца апартеида было ещё далеко.

Муно достал пистолет и расстрелял их всех. Восемь человек остались лежать на земле, а Муно Садриани вернулся в мотель и заснул как убитый.

Его ловили по всей Африке. Линчеватель был жесток, непоследователен в своих действиях и совершенно неуловим. Муно семь лет наводил страх на милитаристов, его незримое присутствие оказывало сдерживающий эффект во время рейдов и облав. Он не щадил ни солдат, ни офицеров. Муно убивал их на заданиях, в увольнении или прямо в расположении части, если считал, что они того заслужили.

Он стал неизвестным террористом номер один – о нем

не говорили в новостях, так как Линчеватель был карающей рукой угнетенного большинства. Спецслужбы сформировали отдельное подразделение, чтобы поймать Муно Садриани, но он продолжал свое кровавое дело. Однажды он сидел в кафе, дожидаясь продавца оружия, и услышал разговор двух женщин. Они обсуждали историю месячной давности – облаву полицейских на бедный район. Искали тех, кто скрывался от переселения.

– Они меня держали за руки, один начал стягивать штаны, и тут в дверь заглянул солдат и говорит: «Хотите, чтобы вам Линчеватель глотки перерезал?» – шепотом рассказывала молодая негритянка. Ее подруга прикрыла рот рукой и спросила:

– И что же?

– Да и все. Они меня отпустили и ушли. У них вся охота пропала.

Муно тогда ещё не знал, что скоро все закончится. Продавец оружия был подсадной, и через две недели, во время передачи товара, Муно схватили. Он успел застрелить пятерых, а потом получил пулю в живот.

Ранение оказалось лёгким, в тюрьме его привели в порядок. Восемь месяцев Муно Садриани ждал приговора, ждал с нетерпением. Восемь месяцев ему снились мертвые дети. И вот настал день, когда его вывели из камеры и посадили на электрический стул.

В комнате сидели какие-то люди. Муно было все равно, он был изможден. Первый месяц его допрашивали, и на допросах Линчеватель ничего не скрывал. Поначалу его били, потом перестали. Он же просто хотел крепко заснуть – и способ значения не имел. Электрический стул вполне для этого годился. Смерть, наконец, вышла из-за поворота и раскрыла свои объятия.

Ему уже нацепили на голову стальной обруч с электродами. Чего они ждут? Он поднял голову и посмотрел в зал. Серые глаза глядели на него из этой жалкой толпы, и в этих глазах была такая воля, что Муно даже приободрился. А потом Гордон Фаркаст устал и поднял руку.

Начальник тюрьмы вскочил, засуетился. Охранник отошел от рубильника. Тюремный врач снял обруч. Все вышли вон, оставив Предвестника наедине с приговоренным. Он подошёл к Муно, наклонился и сказал:

– Ты хочешь убивать. И хочешь умереть. Но мертвый ты убивать не сможешь, мертвецы гниют в земле.

Линчеватель молчал. Фаркаст добавил:

– Поклянись могилой своей семьи, что будешь служить мне, и я подарю тебе жизнь. Мне нужен такой человек. Для тебя будет много работы.

Муно поклялся. Он ушел вместе с Предвестником. Позже он жалел, что согласился, но выбор был сделан.

Они в чем-то были похожи. Тьмой, которая сидела у каж-

дого внутри. Фаркаста тоже что-то толкало вперёд, заставляя действовать. Он много работал, жил так, как хотел, ни в чем себя не ограничивая. Он был невероятно богат, Муно казалось, что этому человеку принадлежит больше половины мира. Позже, когда Садриани доказал свою верность и был допущен к самым секретным делам, он убедился в своей правоте – Гордон Фаркаст владел огромными активами в самых крупных компаниях мира. Его рацелаты вертели политиками разных стран, используя компрометирующие данные и деньги. Деятельность Никого была бурной, но, с точки зрения Муно, бессмысленной. И однажды он задал хозяину вопрос.

– Зачем я все это делаю? – повторил Гордон, глядя в окно на склоны Альп – Чтобы обмануть смерть.

– Разве смерть можно обмануть? – спросил Муно равнодушно.

– Твою смерть я обманул, – заметил Фаркаст.

Муно кивнул.

– А кто обманывает вашу смерть?

Никто стал серьёзен.

– Его имя Хашат. Я служу ему.

– Хашат? Это женщина или мужчина?

Покачав головой, Гордон ответил:

– Оно не человек. Это божество, Муно, и оно всесильно. Тот, кто ему служит – бессмертен.

Больше Предвестник ничего не добавил. Много позже,

чувствуя сомнения Муно, которые появились после первых ядерных атак, Фаркаст сказал ему:

– Все люди одинаковы, мой друг. Дай им свободу, отпусти поводок, и они тут же превратятся в зверей, жаждущих крови. Люди – это хаос. А Хашат – это порядок. Оно избавит мир от всего этого. Нужно только немного ему помочь. Исполнить волю его.

Старый убийца хорошо понимал, о чем говорит Никто. Садриани во время своего крестового похода видел ужасные вещи, которые люди делали по своей воле. Фаркаст знал, что и кому говорить. Эти слова надолго успокоили Линчевателя.

Он полностью подготовил техническую базу для нанесения ударов, взломав системы защиты остальных ядерных держав. Всего целей было двенадцать, четыре из них Фаркасту удалось разрушить при помощи компании Сансет-Глобэкс, ещё две были уничтожены ударами китайских и американских стратегических систем. Каждая страна после инцидента полностью меняла весь принцип защиты, устраняла виновных коррупционеров и проводила полную зачистку на всех уровнях, поэтому повторить атаку было нельзя. Оставалось поразить ещё шесть ячеистых сфер, и тут Никто, запертый в стареющем теле, допустил ошибку.

– Знаете, Гектор. Я бы убил вас, даже не сомневайтесь. Тогда, в поместье.

– Вот мы и добрались до сути, Муно, – отозвался Храни-

тель.

Черная Пантера принесла им крепкого бульона, вызвав своим появлением уважительно-заинтересованный взгляд пациента. Ненадолго прервавшись, чтобы выпить питательную жидкость, убийца снова принялся рассказывать.

– Сомнения никогда меня не посещали. Но эти баллоны... Я словно проснулся. С них все началось, Гектор. И я подумал – а что, если это Фаркаст распорядился тогда уничтожить жителей Путаройи? Он много вложил в африканский бизнес и всегда поддерживал колонизаторов. Фаркаст очень стар, он был виновником крупных войн, развязанных по его указке. Что, если я стал частью системы и слепо служу ей? Что, если все мои действия – это результат чужих решений?

– Чертовски хороший вопрос, Муно. Я люблю людей, которые задаются такими вопросами.

Садриани вздохнул:

– Вот тогда я и подумал о вас. Гордон никого не боялся, кроме Хашат. Но появились вы, и он испугался. Он называл вас богом, знаете? Вы даже его заставили сомневаться. В вашем досье все так просто – обычный врач, погибший в автокатастрофе. Что так напугало Фаркаста?

– Гнев хозяина, полагаю. Я мешаю Хашат осуществить его планы. Оно злится, дёргает Предвестника за цепь. Ни один человек на Земле не понимал, чем был занят Гордон Фаркаст. Люди заняты своими повседневными делами и даже не подозревают, что происходит. Кроме тех, кто населяет это

место.

Хранитель сделал широкий жест рукой.

– Где мы? – спросил Муно.

– Между мирами. Это древние технологии, которые остались от уничтоженных Хашат цивилизаций.

Линчеватель сел на кровати, поставив ноги на пол.

– Все сложнее, чем я предполагал.

– И даже сложнее, чем вам кажется теперь.

Муно посмотрел Гектору в глаза – у него не хватало сил сделать это вначале, но теперь что-то изменилось.

– Я хочу закончить рассказ.

Они ждали Хронвека больше недели, и каждую ночь Садриани снились мертвые дети.

Он знал, как будет действовать враг. Способность Гектора появляться в гуще событий не укрылась от опытного киллера, поэтому он точно подгадал, где ждать мага. Муно хотел убить его выстрелом в голову, чтобы тот не мучился, задыхаясь в ядовитых испарениях, но Хронвек не дал ему такого шанса. Убийца говорил с воздухом. Невидимый, Хранитель исчез так же ловко, как и появился.

Ночью Линчеватель спал спокойно. Муно ничего не сказал своему хозяину о разговоре с Гектором. А Безымянный, вернувшись из Африки в молодом и сильном теле, приказал

установить такие же заряды на яхту «Инквизитор».

Садриани поручил подготовку плавучей ловушки своим помощникам, а сам отправился в пустыню, чтобы осмотреть остатки лагеря, который посетили люди Агентства. Муно не знал, что Никто уничтожит всех, кто участвовал в раскопках, но не удивился такому жестокому решению Фаркаста. Тайну Хашат хозяин оберегал очень ревностно. Агенты разрыли могилу, трупы вывезли полицейские, но криминалисты не могли докопаться до сути – Гордон уже подергал за ниточки, и дело утонуло в бюрократическом болоте. Какие-то экстремисты взяли на себя ответственность в массовом убийстве, пара политиков покричала с трибуны, и все затихло.

Муно нашел засыпанный песком маленький лагерь игровых Агентства, нашел пустые птичьи клетки и перья. Он изучил следы на брошенной установке земля-воздух и усмехнулся – Гектор Хронвек так и не сел в вертолет, который привез его к разрушенному portalу в пустыне. Он ходил неизвестными путями, мог становиться невидимым и все больше обрастал загадками.

Покончив с делами, Линчеватель вернулся к хозяину – Фаркаст ждал его на роскошном катере Инквизитор, курсирующему по Адриатике. Они ежедневно меняли место стоянки, пускаясь в плавание ночью, а днём Никто наслаждался своим молодым телом. Катер был наводнен шлюхами и разного рода прислугой, а ещё Гордон выписал из Франции пре-

красного повара, который заваливал его стол всевозможными блюдами.

Муно все это было противно. Он привык к аскетизму, его не интересовали подобные вещи. Как только катер вставал на якорь, он сходил на берег и бродил между скал, размышляя.

Фаркаст его не трогал – Никто был слишком занят собой. Все шло своим чередом, рацелаты отрабатывали полученные деньги, приводя в действие план уничтожения ячеистых сфер, а Гордон развлекался в тени своего двойника, ожидая визита Хронвека. В том, что Гектор рано или поздно появится, Муно не сомневался.

В один из таких дней Садриани понял, что отлучается с катера не ради уединения. Он сторонился того, что должно было случиться. Фаркаст яростно стремился убрать со своего пути Гектора Хронвека, он говорил, что человечеству все равно конец, поэтому разницы в выборе средств нет. Муно соглашался – мир без людей казался ему более правильным. В нем не будет слез и страданий.

Но, несмотря на это он, пусть и неосознанно, пытался отдалиться от своего хозяина, хотя бы ненадолго. По ночам перед Муно снова сидели мертвые дети, и он просыпался в холодном поту, подолгу пытаясь вдохнуть воздух.

Когда прогремел взрыв, Линчеватель был совсем недалеко от берега. Он поднялся на скалу и смотрел, как тонут об-

ломки Инквизитора. Он видел кричащих людей, видел, как они шли ко дну, задыхаясь в облаке иприта. Муно сам не понял, как оказался рядом с Фаркастом. Тяжёлая рука, будто чужая, ударила Гордона в лицо – он покачнулся, но остался стоять. Муно опять ударил, потом ещё и ещё. Его хозяин повалился на песок, а Линчеватель снова и снова опускал узловатые кулаки. Муно не знал, что заставило его остановиться. Наверное, мертвые дети, которые все это время стояли у него перед глазами. Испугавшись самого себя, убийца быстрыми шагами направился в скалы.

Он бродил по берегу довольно долго, пока не опомнился. Нужно было проверить, что стало с Фаркастом – просто оставить его на песке Садриани не мог. Гордона нужно отвезти в больницу или прикончить.

Обойдя большой камень, лежащий у кромки воды, Муно увидел, как Никто медленно идёт к выброшенному на берег телу. Он видел, как Фаркаст ударил человека камнем и понял, что это Гектор Хронвек. Никому другому его хозяин не оказал бы такой чести. Одного удара Гордону показалось недостаточно, он снова занёс над головой свое оружие, и тут Хронвек поднялся на ноги.

Фаркаст повис на вытянутой руке врага. Гектор держал его за горло, и Муно казалось, что тело врача покрылось черными шипами, а на голове его выросли рога.

А потом Никто загорелся. Хронвек держал его за горло, пока от Гордона Фаркаста не осталось одних обугленных до-

черна костей. Сверкнув горящими глазами, Гектор Хронвек исчез, оставив Муно Садниани стоять наедине с тяжёлыми мыслями.

Муно встал с кровати и принялся натягивать штаны.

– Я нашел Виктора, а он помог мне найти вас.

Хронвек кивнул.

– Это был долгий путь. Предвестник сказал вам, чего хочет Хашат. Но чего хотите вы, Муно?

– Точно не этого. Тяжело признавать, но я полжизни потратил, пытаясь тушить огонь бензином.

Хранитель подождал, пока пациент застегнет рубашку.

– Пойдемте, я покажу вам Призрачный замок.

Они спустились по винтовой лестнице Башни лекарей и вышли на верхнюю площадь. Гектор подвёл гостя к стене. Отсюда открывался отличный вид на внешние укрепления.

– Это Цитадель Хранителей. Последний оплот борьбы с Хашат, – сказал Хронвек. Муно заглянул вниз.

– Заячье озеро. Мы на вершине Акатака.

– Все верно.

Убийца почесал небритый подбородок:

– На вершине горы ничего нет.

Гектор кивнул.

– Сейчас нет. А полторы секунды до текущего момента –

есть. Мы немного в прошлом.

– Не понимаю.

– Пусть это вас не смущает, Муно. Я тоже не понимаю.

В этом замке понятного меньше, чем непонятного.

Гектор взял Садриани под локоть, и они медленно побрели вниз, шагая по каменным ступеням.

Жрец-программист

Жизнь – это болезнь.

Антрацитовое небо над черной пустыней дорожало от ярости безумного существа, которое раскинулось на многие километры во все стороны. Хашат смеялось, и его смех напоминал режущий уши звук циркулярной пилы.

На черной равнине, погруженной во мрак, ждала, замерев от ужаса, армия Предвестников. Они были уродливы и больны, и то, что они называли жизнью, полностью находилось во власти мечущегося под мертвым небом кошмара. Они ждали своего часа. Ждали команды. Они сгрудились у порталов, ведущих в последние живые миры, населенные ненавистными, не испытывающими боли существами. Они хотели увидеть, как эти миры покроет черный пепел. Как умрут деревья, рыбы, птицы и все, что способно чувствовать. И когда умрет последнее живое существо – возможно, синоним слова Надежда, возможно, тогда Хашат позволит умереть и им тоже. А пока оно смеялось, клубясь у них над голова-

ми, и ждало вместе со своей армией. Его Предвестник погиб, но у Хашат было все время мира. И оно заканчивалось.

Гектор Хронвек появился в Центральной башне Призрачного замка и сел за тяжелый круглый каменный стол, в задумчивости опустив на него локти.

– Наследие.

Низкий голос отозвался почти сразу.

– Чего ты хочешь, Хранитель?

Гектор упер подбородок в кулаки:

– Мы устранили угрозу Предвестника на Земле. Какова вероятность появления нового слуги Хашат?

– Такая вероятность возрастает с течением времени.

– И сколько времени понадобится Хашат, чтобы найти следующего Предвестника?

– Недостаточно данных. Уточните запрос.

Хранитель ударил кулаком по столу и рывком поднялся. Он вышел на нижнюю площадь, запахнул плащ, чтобы защититься от косого дождя, и направился в сторону Женского крыла. Там было темно – на дворе стояла глубокая ночь. Хронвек вошёл в помещение и хотел уже привести в действие эфирную магию леди Жуады, которая освещала кухню, но тут заметил слабый свет, исходящий от экрана ноутбука.

– Муно? Что вы тут делаете в такой час?

Долговязая фигура, освещённая маленьким монитором ноутбука, пошевелилась. Это действительно бы Муно Садриани. Он медленно разогнул спину, потянулся и ответил вопросом:

– А вы что тут забыли, Гектор?

Хронвек пожал плечами.

– Хотел сделать бутерброд.

Линчеватель протянул руку в темноту и пододвинул к Гектору тарелку.

– Угощайтесь. С сыром и бужениной.

Хранитель сел и с мрачным видом принялся жевать. Муно извлёк из темноты глиняный кувшин.

– Морковный сок.

Гектор сделал глоток.

– Не могу заснуть. Мне кажется, будто мы в опасности. Это тревога, она не даёт мне покоя.

Муно перестал стучать по клавишам.

– Жизнь вообще штука опасная. От нее умирают.

Хронвек ответил, задумчиво жуя кусок бутерброда:

– Да, все так, просто... Призрачный замок – это Цитадель, оплот, это место, где мы надёжно защищены. Нет – абсолютно защищены! Эти стены невозможно сокрушить. Сюда нельзя заслать лазутчика, Наследие вычисляет диверсантов меньше чем за сутки. Когда мы сюда попадаем, это значит, что все беды позади.

– И все же вас что-то беспокоит.

– Вот именно, – Хронвек пожал плечами. – Не знаю, в чем дело. Призрачный замок ветшает, здесь все работает с перебоями, а починить старые механизмы у нас не хватает знаний. Наследие, на которое так надеется Стурастан, уже трижды отключалось. Крепость постоянно выходит за пределы максимально допустимого параллельно-пространственного континуума, я уже не говорю о механическом разрушении стен и башен. Ну, хоть с этим мы справляемся.

Муно кивнул с пониманием.

– Наследие. Я все хотел поговорить с вами о нем. Инспектор перед отъездом познакомил меня с Фатихом, и мы посетили несколько точек входа в электронные базы данных. Это в галереях Нуглов.

– В галереях? Как вы туда пролезли, Муно?

– Я вооружил коротышку беспроводной камерой. Он очень шустрый и важный, но знаете что?

– Что? – Хронвек доел бутерброд и уставился на Линчевателя.

– Он думает, что много знает. Да, это так, знает он много. Но Фатих, как и все остальные нуглы, совершенно ничего не понимает в том, что ему известно.

Хронвек допил морковный сок и зажег восковую свечу, которая стояла на столе.

Муно уже больше месяца жил в Призрачном замке, он много читал, общался с его обитателями и изучал крепость с кропотливым вниманием к деталям. Они с Бремером ша-

стали по всей цитадели, невероятно быстро найдя общий язык. Гектор поначалу следил за ними, но потом его внимание поглотили различные дела. Он вышел на связь с давним знакомым, который спас его от повелителя плесени – Предвестника Клийякки. Глеб Овчинников после того случая сделал неплохую карьеру и теперь фактически руководил всей Федеральной службой безопасности страны. Офицеру удалось убедить президента в необходимости антикоррупционной реформы в рядах сотрудников ведомства, Глеб также смог предотвратить один из ядерных террористических актов, направленных на уничтожение цветов Майрониды.

Овчинников обрадовался, увидев Гектора. Он обещал обеспечить охрану ячеистых сфер в ледяных пустошах Крайнего Севера и держать Хранителя в курсе важных событий.

Агентство Виктора охотилось на оставшихся без хозяина рацелатов, постепенно ликвидируя их одного за другим. Игроки снова ушли в тень и занимались своей обычной деятельностью, держась в стороне от политики. Регулярно на гору Акатак прилетали почтовые голуби из Москвы, Бремер изучал письма и докладывал о ситуации наставнику Стурастану.

Ужасный демон Сандаал проделал большую работу, восстановив ячеистые сферы, уничтоженные Гордоном Фаркстом, после чего отбыл в Нижний План, напоследок попро-

сив никогда не призывать его снова.

Эти дела занимали все время Гектора, и когда они вдруг закончились, он почувствовал неясное беспокойство. Все было просто прекрасно, они сумели оставить Хашат в дураках, надолго остановив его продвижение. Но беспокойство все росло, оно превратилось в страх и не давало спать.

– Знаете, Муно. Я сейчас себя чувствую одним из этих нуглов. Мы смогли остановить врага, но сделали это, не понимая его сути, а это значит, что мы не представляем, не можем даже примерно предположить, как надолго его задержали.

Садриани поскреб твердым широким ногтем деревянную столешницу и, усмехнувшись, кивнул.

– Есть знание, а есть понимание. Мы с инспектором много беседовали об этом. Ганс попросил меня разобраться в принципах работы Наследия, пока он будет отдыхать на водах.

– Да, он говорил что-то об этом, – отозвался Хронвек. Муно добавил:

– Тут есть одна сложность.

– Какая?

– Я вооружил Фатиха специальным прибором, чтобы он протестировал эти древние разъемы в галереях Нуглов. Понимаете, все данные, которые передаются по каналам связи, скрытым в стенах замка, зашифрованы, а у меня нет ключа, чтобы взломать код.

– Понимаю. Поверхностно.

Муно кивнул:

– Мне нужно подключиться к выходному каналу, чтобы записать сигнал, поступающий в ответ на конкретные запросы. Понятные мне.

Гектор почесал в затылке:

– А вот теперь не понимаю совсем.

Садриани развернул ноутбук экраном к Хранителю. По нему бежали строчки кода.

– Машина. Наследие – это машина. Она работает на неизвестном нам принципе, она может колдовать, творить магию, но что такое магия?

– Это явления природы, которые мы не способны постичь.

– Нет. Это явления природы, которые мы ленимся постичь, потому, что они нас пугают, – Муно снова усмехнулся. – Всегда проще поверить, чем понять. Вера не требует работы мозга.

Хронвек задумчиво кивнул.

– Вы совершенно правы, Муно. Но что вы хотите от меня?

– Гектор, вы обладаете способностями, которых остальные лишены. Вы, как зрячий среди слепцов. Как здоровый среди безруких. Вы видите то, что скрыто от остальных, вы можете управлять неизвестными энергиями так же, как ваши руки могут управлять обычной материей. В мире безруких я был бы колдуном, способным переставлять предметы с места на место.

– Я понимаю.

– В мире безруких я был бы единственным, кто может взаимодействовать с материей.

– Все верно.

– Вы, Гектор, можете взаимодействовать с Наследием. Вы с ним находитесь на одном уровне.

– Оно отвечает на мои вопросы, но не всегда.

Садриани откинулся назад, пропав в темноте.

– Наследие может не отвечать, но оно все равно реагирует, каждый раз. Я уверен. Если я подключусь к выходному каналу, когда вы заговорите с ним, мы получим поток кодированных данных в ответ на запрос. Мы сможем его проанализировать. Чем больше у меня будет данных, полученных в ответ на разные запросы, тем быстрее я смогу расшифровать код Наследия.

– А если вы расшифруете код...

– То мы сможем управлять им.

Хронвек вскочил и хлопнул ладонью по столу.

– Но это же потрясающе! Вы действительно можете это сделать?

– Мысль не имеет преград.

Гектор плюхнулся назад на скамью.

– Я в вашем полном распоряжении, Муно. Просто скажите, что нужно делать.

В резервной библиотеке редко собиралось столько народу. Фатих, старший специалист Призрачного замка, постоянно дежурил у бронированной двери в кладовую знаний, выполняя работу привратника, поскольку отпирающий механизм подчинялся только ему и Гектору Хронвеку, который был страшно занят, сидя за этой самой дверью и задавая Наследию самые идиотские вопросы, какие только можно было придумать. Поначалу многоступенчатое заклинание отвечало, потом стало ссылаться на нехватку данных, а после и вовсе перестало реагировать на обращения, однако электронная активность внутри машины говорила о том, что Наследие все слышит, понимает и обдумывает. Все это время долговязый Муно сидел рядом, обмотанный проводами, ведущими к разъемам на терминале доступа Резервной библиотеки, и пялился в свой ноутбук, периодически выстукивая дробь по кнопкам клавиатуры. Изредка он поднимал голову и медленно разгибал затекшую спину, чтобы затем вновь уткнуться в компьютер.

На лестнице запахло серой. Фатих ворчливым голосом приказал двери открыться, замки клацнули и стали медленно поворачиваться в затворах. На площадку поднялся герцог Грагагарат.

– Гарадхат, Фатих.

– Гарадхат, Грагагарат. Что тебе нужно в резервной библиотеке?

Демон мрачно уставился на человечка.

– Не пытайся впечатлить меня своей властью, повелитель двери. Я пришел к Гектору Хронвеку.

– Он занят.

Герцог фыркнул, обдав Фатиха дымом, и вошёл внутрь, не обращая внимания на возмущенное верещание нугла.

– Гектор Хронвек.

Маг посмотрел на демона уставшими глазами.

– Гратагарат. Когда ты вернулся?

– Недавно. Меня беспокоят мои торосы.

– Торосы? О чем ты?

Герцог сделал попытку пройтись, но в тесном помещении сделать это было невозможно – леди Жуада организовала в резервной библиотеке филиал Женского крыла, заставив помещение посудой и кастрюлями с едой. Гектор Хронвек не выходил из библиотеки уже трое суток, и женщине надоело носить еду ему, а заодно и половине обитателей Призрачного замка, которые перекочевали туда вместе с ним.

Вместо привычной пробежки Гратагарат несколько раз взмахнул своими наводящими ужас руками и ответил:

– Льды начинают таять. Пока это незаметно глазу, но высота ледяных гребней уменьшается, а это значит, что ядро Майронида начало нагреваться.

– И насколько сильно уменьшилась высота торосов? – поинтересовался Гектор.

– Среднее значение на пятьсот гектаров составляет восемьдесят два нанометра.

– Но это же ничтожно мало!

Герцог навис над Хронвеком.

– Я веду наблюдения тысячи лет, и никогда колебания средних значений высоты торосов не выходили за пределы пятидесяти нанометров!

Муно, который прислушивался к спору на каббалистическом языке Нижнего Плана, спросил:

– Что говорит это здоровяк?

– Что лёд на внутренней поверхности Майронида потерял в высоту восемьдесят два нанометра, а такого не было тысячи лет, – объяснил Хранитель. Муно нахмурился.

– Насколько я успел понять, рогатые демоны скрупулезны и точны в своих наблюдениях, Гектор. Есть ли вероятность, что ледяное ядро Нижнего Плана начало нагреваться?

Теперь уже и Хронвек нахмурился и посмотрел на герцога.

– И что это значит?

– Что наша богиня слабеет.

– Майронида – это огонь Внешней сферы. Причем здесь она? – удивился Хранитель.

– Ты Скурр, спроси у нее.

Рогатый демон развернулся и вышел. Стурастан, который тихо сидел в уголке с книгой в руках, заметил:

– Пора делать новый запрос.

Гектор Хронвек коснулся Эфира и сказал:

– Наследие. Вычисли, сколько будет восемь умножить

на четыре.

Наследие промолчало, но, несмотря на это, Муно радостно вскрикнул.

– Отлично! Ещё пара простых примеров, и я закончу сбор данных для расшифровки алгоритма. Я уже знаю, где расположен узел, который отвечает за вычислительные процессы.

С помощью простых задач Линчеватель планировал быстро расшифровать основной программный код, который защищал позитронную часть Наследия.

Наследие не отзывалось на слишком частые обращения, поэтому процесс затягивался. Хронвек вздохнул.

– Мы не спим уже третьи сутки, Муно. Это нужно заканчивать, я валюсь с ног от усталости.

– Ещё пара запросов, и можешь идти, – сказал Стурастан. Муно нажал несколько кнопок на ноутбуке.

– Я перестану беспокоить вас, Гектор, как только получу права администратора.

– Вы так говорите, как будто Наследие – это домашний компьютер какой-нибудь домохозяйки, – буркнул Хронвек.

Линчеватель пожал плечами.

– Так и есть. Просто он решает задачи другого порядка.

Наставник оказался прав – через два запроса запустился процесс расшифровки кода. Хронвек, кряхтя, поднялся, размял затекшие конечности и побрел наружу. За ним последовал Стурастан. Когда они вышли на площадь, щурясь от яр-

кого весеннего солнца, наставник буркнул:

– Этот Муно сделан из железа. Сколько ещё он планирует там сидеть?

– Не знаю, – отозвался Гектор. – Я пошлю за ним Даку Кад-Хедарайю. Ему нужно отдохнуть.

По непонятным причинам черная женщина имела над Муно какую-то власть. Он никогда ей не перечил и всегда провожал Черную Пантеру глазами. В его взгляде не было страсти, это была скорее тоска, смешанная с пониманием. Хранитель не вмешивался в странную связь, которая возникла между ними.

С этими словами Хронвек исчез в Плана Пути. Выйдя из него в своих апартаментах, он деликатно кашлянул. Сверху упала черная тень, поднялась и посмотрела на него золотистыми глазами.

– Вы закончили.

– Я закончил, а вот Муно нет, – отозвался Гектор. – Он всё ещё в библиотеке.

Дака Кад-Хедарайя кивнула, коснулась щеки Хранителя мягкими губами и выскользнула за дверь. Хронвек рухнул на кровать и мгновенно уснул.

Беззвучно и быстро преодолев спуск с вершины Башни Хранителя, Черная Пантера вышла на маленький, вымощенный булыжником двор, заставленный ржавыми конструкциями непонятного назначения. Она пересекла его и стала спускаться по ступеням, ведущим на Верхнюю площадь.

Примерно на середине спуска навстречу ей попался Авель с Миленой. Они гуляли с Перчинкой.

– Привет, Дака Кад-Хедарайя, – сказал вор. После приключений в вентиляции подземной базы династии Лукатар они с Черной Пантерой сильно сблизились.

– Привет, Беззвучный. Твоя дочь растет быстро. Ты уже научил ее красть?

Милена засмеялась. Авель ответил:

– Надеюсь, это ей не понадобится. Куда ты направляешься?

– В Резервную библиотеку.

– Гектор ещё там?

– Нет, он отдыхает. Муно Садриани продолжает работать.

– Линчеватель. Он меня пугает.

– Страх – это хорошо. Страх – это признак интеллекта.

Авель кивнул.

– Муно умнее нас всех. Гектор сильно рискует, давая доступ к Наследию личному убийце Предвестника Хашат. Кто может сказать, что он задумал?

Черная Пантера пощекотала Перчинку под подбородком.

– Занимайся своим делом, вор. Хранитель знает, что делает.

Авель покачал головой, взял Милену под руку и двинулся дальше. Дака Кад-Хедарайя заскользила вниз по лестнице.

На Верхней площади мельтешили дети. Ловко пройдя прямо сквозь толпу малышей, которые играли в «грязного

морантанца», женщина вышла на стену. Внизу, на Нижней площади, упражнялся Стурастан, избивая деревянным мечом соломенное чучело. Возле уха Черной Пантеры пролетела мокрая, покрытая песком тряпка. Поймав ее двумя пальцами, Дака Кад-Хедарайя обернулась.

– Грязный морантанец, грязный морантанец! – хором закричали дети и с визгом разбежались, спрятавшись за укрытия.

Женщина оскалилась. Из-за ближайшего угла высунулась озорная рожица, и тут же к ней с противным звуком прилипла мокрая ветошь. Стянув ее с мордашки, Иона с визгом понеслась по двору. Остальные бросились врассыпную. Черная Пантера довольно ухмыльнулась и двинулась дальше.

Стурастан заметил ее ещё на лестнице. Держа под мышкой два деревянных меча, человек подбежал и поклонился, отставив назад ногу и сделав рукой замысловатый жест. Дака Кад-Хедарайя присела в книксене. Без платья это выглядело довольно забавно.

В следующий момент Стурастан оказался в стойке. Швырнув Черной Пантере второй клинок, он снова поклонился коротким движением головы и атаковал.

Женщина ушла от выпада текучим движением, держа острие меча перед глазами противника, и сразу же пошла на сближение. Стурастан отбил ее выпад гудящим плечевым взмахом и тут же нанес ещё один круговой удар в открытую зону. Дака Кад-Хедарайя выполнила пируэт, набрала дистан-

цию и бросилась вперед с серией коротких выпадов, целясь в голову, ноги и грудь наставника.

Ее удары были хладнокровно отбиты, Стурастан затащил Черную Пантеру вперед, а сам скользнул ей за спину и полоснул противника по груди, заведя клинок снизу, однако там его встретило оружие Черной Пантеры, которое женщина успела прижать к телу. Крутанувшись, она вновь набрала дистанцию, ловко уйдя от подножки Стурастана. Наставник опустил клинок и поклонился.

– Величайшее удовольствие, Дака Кад-Хедарайя.

Черная Пантера поклонилась в ответ и заметила:

– Аккуратнее, Стур. Или тебе придется фехтовать со скорородкой леди Жуады, а против нее у тебя ни единого шанса.

– Ты пришла за Муно?

– Да.

– Фатих откроет тебе дверь.

Она кивнула и направилась в резервное хранилище данных, вход в который находился в главной библиотеке.

В зале, у книжного стеллажа, стоял, чадя темным дымом, герцог Гратагарат. Он читал толстый учебник по квантовой физике из измерения Земли.

– Гарадхат, Дака Кад-Хедарайя.

– Гарадхат, здоровяк. Решил собрать ядерный реактор?

Герцог выпустил изо рта густую струю дыма, затем сразу же всосал ее носом и ответил:

– Нижнему Плану достаточно энергии Майронида. У лю-

дей странный взгляд на природу вещества. Мне нравится наблюдать их невежество.

– Ты старый хитрец, Гратагарат. Впрочем, вскоре ты и сам все расскажешь. Не так ли, зачатый повелителем хвастунов?

Возмущенный Гратагарат скрылся в облаке дыма, а Черная Пантера двинулась дальше, ухмыльнувшись. Она поднялась по лестнице, ведущей в информационное хранилище, и остановилась у бронированной двери.

– Зачем ты пришла, Дака Кад-Хедарайя? – важно спросил Фатих, надвинув на глаза кожаные очки.

Женщина наклонилась к самому лицу нугла и сказала:

– Хотела поведать многоуважаемого Фатиха. Он здесь, коротышка?

Старший специалист фыркнул и сделал шаг назад.

– Резервная библиотека...

– Открывай, Фатих. Это просто дверь.

Ворча под нос, нугл привел в действие замки. Черная Пантера скользнула в щель, не дожидаясь, пока створка распахнется настежь.

В хранилище данных было тихо, лишь изредка жужжали загадочные механизмы в недрах металлических шкафов. Муно сидел в той же позе, что и раньше, только скрючился ещё больше. Он внимательно наблюдал за скользящими по экрану ноутбука символами, иногда нажимая на клавиши.

Черную Пантеру долговязый убийца заметил только после

того, как она к нему обратилась.

– Хочешь, я сделаю тебе массаж? – спросила женщина, заходя ему за спину.

Муно удивлённо поднял голову.

– А где господин Стурастан?

– Они с господином Хронвеком изволили бросить тебя здесь умирать от обезвоживания, переутомления и недосыпания, а сами отправились отдыхать, – ответила Дака Кад-Хедарайя, мягко разминая жёсткие плечи Муно. Он вздохнул.

– Осталось совсем немного.

– И что потом?

– Когда код будет расшифрован, я смогу приступить к изучению принципа работы Наследия.

Черная Пантера нежно провела ладонью по его черным, слегка посеребренным сединой волосам.

– Это не вернёт их, Муно, – сказала Дака Кад-Хедарайя, сжав его плечо.

Он оглянулся и накрыл ее руку своей мозолистое ладонью.

– Я знаю.

Женщина села рядом с ним на корточки, прижалась боком к бедру Линчевателя и сказала:

– Тысяча лет. Прошла тысяча лет, прежде чем я перестала видеть сны.

– Сны? – эхом повторил Муно.

– Черные тела в лужах красной крови. Безумие Худу поразило мой народ многие века тому назад. Мы бежали через порталы Хранителей, но оно настигло нас и там. Моя семья – восемнадцать человек, мы все укрылись в песках белой пустыни, в безлюдных пустошах Куртана, вместе с другими беженцами. А Хранители наблюдали за нами и ждали.

Она освободила руку, но Муно снова сжал ее в ладонях.

– Зачем ты мне это рассказываешь?!

Дака Кад-Хедарайя заглянула ему в глаза, и он увидел в ее твердом взгляде понимание. Он всегда чувствовал его, с того самого момента, когда Черная Пантера появилась в палате Башни Лекарей.

– Я была третьей верховной жрицей Адун. Так мой народ называл магию чресел. Поэтому нас вывели первыми. Остальные утонули в крови, которая затопила мой прекрасный Саноо.

Дака Кад-Хедарайя на мгновение замолчала, но тут же продолжила:

– Первой стала Сахат Ким-Фадайна, моя младшая племянница. Она укусила Зин-Чана и его жену, и убила собственную мать. Мой брат Бад-Хедар убил дочь собственными руками, когда увидел, что она сотворила. А потом убил себя. Худу распространилось в нашем лагере как огонь, не щадя никого.

Черная Пантера замолчала, будто вспоминая.

– Каждая мелочь, Муно. Каждая минута той ночи до сих

пор сидит у меня в голове. Хранители предполагали, что это случится. Они пришли, и стали нас убивать.

– Хранители? Как Гектор Хронвек?

– Нет. Не как Гектор Хронвек.

Женщина отвела взгляд и тихо сказала:

– Он не похож ни на одного из них. Это были испуганные, потерявшие веру люди. Они просто пытались выжить. Они видели, что такое Худу. Нельзя было пустить его в Мирею.

Садриани кивнул с пониманием, но промолчал. Черная Пантера вздохнула.

– Я осталась единственной выжившей. Я убежала в пустыню, в белые пески, чтобы никому не навредить. Я чувствовала, как приходит голод. Ты ничего не знаешь о голоде, Линчеватель. Только вампир знает, что такое голод. Я пряталась от них, но они меня находили. Сначала Хранители, потом обычные маги, которых посылали из Цитадели, потом воины. Все они пали жертвами моего голода. Голод был силен, но я пыталась... Пыталась сохранить разум. И у меня получилось.

Черная женщина усмехнулась.

– Все погибли, Муно. Саноо больше нет. Но я живу. Я – Саноо. Если ты сдохнешь тут, в пыли, среди проводов, род Садриани прервется. Ты – Садриани. В тебе течет кровь твоих предков. Скажи, что ты услышал?

Муно с трудом выпрямил спину и снял с шеи моток разноцветных проводов.

– Я услышал голос очень мудрой женщины. И я клянусь, что твоя история уйдет со мной в могилу.

– Истории не умеют ходить, долговязый. А ты умеешь. Вставай и отправляйся спать.

Муно Садриани медленно поднялся и направился к двери. На пороге он оглянулся:

– Спасибо тебе, Дака Кад-Хедарайя. Да будет твой сон без сновидений.

Он ушел, а Черная Пантера ещё долго глядела, как по монитору ноутбука бегут длинные строчки кода.

– Хорошенькое дело! – сказал нугл Фатих, когда дверь на вершине Зеркальной башни открылась, и перед ним предстал старый Мутарх. – Они пытаются подчинить Наследие.

– Кто это – они? – ворчливо спросил седовласый нугл и заковылял вглубь помещения. Фатих поспешил за ним.

– Хранитель приволок в Цитадель бывшего прихвостня Предвестника Хашат, некоего Муно Садриани, и теперь он что-то делает с терминалами в резервной библиотеке.

Мутарх пожал плечами.

– Давно пора. Почему Гектор Хронвек до сих пор не пришел ко мне?

Старший специалист ответил, стуча кулаком по крышке гудящего на полу прибора:

– Мне это не нравится, Мутарх. Наследие никому не подчиняется.

– И что в этом хорошего? Ты не хуже меня понимаешь, что Наследие не может остановить уничтожение миров Ожерелья. Да что там, все это пустое. Мы даже не знаем, что оно такое, это Наследие.

От таких речей Фатих ненадолго потерял дар речи. Старый нугл подошёл к одному из странных приборов, стоящих на полу верхней залы Зеркальной башни, забрался на табурет и принялся нажимать на кнопки.

– Что это ты там делаешь, Мутарх? – пробормотал Старший специалист, который ожидал совсем не такой беседы.

Фатиха возмущало грубое вмешательство в вековые устои Призрачного замка, покушение на святая святых – Наследие, которое до появления Хранителя вообще не проявляло активности, а только исправно открывало и закрывало дверь в хранилище данных.

– Наконец, Гектор Хронвек нашел человека, способного разобраться в работе всей этой рухляди, – заметил Мутарх. – Ему понадобится регистратор напряжённости эфира РНЭ-1. Без него невозможно диагностировать магическую составляющую Наследия.

– Откуда ты все это знаешь?! – удивлённо воскликнул старший специалист, беря из рук древнего нугла маленькую коробочку. Мутарх ответил:

– Это только передатчик. Само устройство, – смотритель

Зеркальной башни похлопал ладонью по корпусу стоящего перед ними прибора, – само устройство здесь. Об этом мне рассказал мой предшественник, как я рассказываю тебе. Отнеси передатчик Хранителю. И принеси мне бутылку хорошего вина.

Фатих ушел, размышляя о словах Мутарха. Этот нугл уже много лет не покидал Зеркальной башни, и тут захотел выпить. Да, Гектор Хронвек наделал шороху в Цитадели. Все это совершенно не нравилось старшему специалисту, но поделаться ничем было нельзя – нуглы, проживающие в Призрачном замке, обязаны были подчиняться Хранителям. Поэтому ворчливый Фатих отправился в галереи, зажав подмышкой передатчик регистратора напряжённости эфира РНЭ- 1.

Он шел длинными сводчатыми тоннелями, периодически покрикивая на подчинённых, спешащих по своим делам. Наконец галереи привели его к лифтовой шахте. Кабина подъемника приводилась в действие ручным вращением деревянного колеса, к которому были приставлены два крошечных человечка. Фатих забрался в люльку, махнул рукой, и лифт медленно поплыл вверх, увлекаемый толстым пеньковым тросом.

Миновав несколько остановок и выйдя на самом верху вертикальной шахты, Фатих снова вошёл в галерею и, пройдя по ней совсем немного, приоткрыл маленькую двер-

цу. Выглянув наружу, старший специалист вышел из стены спальни Хранителя Хронвека. Он осмотрелся и обнаружил Гектора на кровати, спящим в той же позе, в которой он за-
снул, упав на матрас лицом вниз.

Фатих забрался на стул и положил устройство на стол, рядом с фотографией, на которой Хранитель стоял с группой незнакомых людей в странной белой одежде. Старший специалист ненадолго задержался, разглядывая необычное фото, шариковую ручку и калькулятор, лежащие на столе, затем вздохнул и покинул апартаменты Хранителя таким же способом, каким вошёл. Он спустился на лифте вниз и снова затопал по галереям. Навстречу ему попался отряд нуглов, волочащих длинную лестницу. Фатих остановил их и велел разворачиваться.

– Каждый раз одно и то же! – ворчал он, следуя за ними. – Неужели так трудно запомнить, что сорок четвертая и шестьдесят восьмая галереи имеют слишком крутые повороты, вследствие чего пронос по ним длинномерных предметов ограничен четырьмя с половиной чалами!

Чалом называлась мера длины, равная среднему росту взрослого нугла, которая составляла примерно тридцать два сантиметра.

Отряд с лестницей свернул, наконец, влево, а Фатих направился направо, после чего повернул на перекрестке налево, затем снова направо, пока, наконец, не оказался в кладовой леди Жуады. Он внимательно осмотрел пол в поисках

крысиных ловушек, поднял лежащую рядом с дверкой, ведущей в галереи, тонкую и длинную металлическую трубку, закрученную в штопор и снабженную ручками, после чего ловко забрался на табурет, стоящий рядом с решеткой для бутылок. Прислонив трубку к пробке одной из бутылок, он принялся вкручивать ее в мягкий материал. Когда острый конец вышел с другой стороны, из трубки полилась тонкая струйка. Фатих сунул под нее палец, облизнул его, удовлетворённо кивнул и вытащил из бездонного кармана своего фартука нугловскую бутылку. Подставив ее под струю, он быстро наполнил сосуд, заткнул пробкой и убрал назад, после чего вывинтил трубку, вытер тряпкой лужицу, которая образовалась на крышке табурета, и удалился назад, в галереи, предварительно аккуратно срезав с головки сыра тонкий пласт своим длинным складным ножом.

Леди Жуада до сих пор не могла разгадать причину, которая заставляла испаряться вино из определенных бутылок. Она всегда заполняла их одинаково, но почему-то белое сухое и гранатовый ликер через неравномерные промежутки времени теряли до десяти процентов своего объема, притом что все пробки были надёжно закупорены. То же самое происходило с сырами, ветчиной и хамоном, а также с некоторыми корнеплодами. И если исчезновение последних ещё можно было объяснить крысами, которые, надо сказать, никогда не попадались в расставленные ловушки, то испарение вина для хозяйки Женского крыла оставалось загадкой.

Фатих, уверенно шагая по лабиринту галерей, размышлял над словами старого Мутарха. Как давно он заступил на должность старшего специалиста? Уже и не вспомнишь. И все это время Мутарх торчит в Зеркальной башне головой вниз, один как перст, и занимается неизвестно чем. Когда-нибудь и Фатих станет таким же сумасшедшим седым старикашкой, и его отправят протирать пыль с корпусов машин в башне, стоящей вверх ногами. Все же зря Хранитель лезет в работу Наследия. А если оно нас всех выкинет из замка? Оно уже так делало. Выкидывало людей. Пришлось менять целый блок памяти, а ведь это были последние запчасти на складе! Если он ещё раз сторит?

Ворча под нос, Фатих добрался до своего рабочего места – огромного, по меркам нуглов, стола, стоящего на пересечении трёх галерей. Вдоль стен теснились полки с разными полезными вещами. Фатих выдвинул ящик и извлёк на свет два хрустальных бокала, изрядно заляпанных машинным маслом. Он протер их ветошью, отчего они стали немного прозрачнее, критически осмотрел дело своих рук, поплевал на стекло, протер ещё разок и убрал посуду в карман фартука. Затем открыл люк, ведущий в перевёрнутую башню, и спустился вниз.

Мутарх возился с РНЭ – 1. Увидев Фатиха, он спросил:
– Принес?

Фатих кивнул. Мутарх подошёл к другому прибору, постучал по циферблату, пригляделся и направился в свой закуток, поманив за собой старшего специалиста. Фатих извлёк наружу сыр, хлеб и бутылку с бокалами. Старик разлил вино и поднял стакан.

– За перемены! Я знаю, ты их не любишь. Я и сам не люблю. Но они нужны.

Он осушил бокал и наполнил его снова. Откинувшись на спинку стула, старый нугл добавил, неторопливо потягивая напиток:

– А неплохо. Жуада – хорошая хозяйка Женского крыла. Знаешь, что я понял, сидя тут в одиночестве?

– Нет, – проворчал старший специалист.

– Одиночество – это божественный дар, Фатих. Его нужно уметь ценить. Я много размышлял, спорил сам с собой, и пришел к выводу, что... Ты меня слушаешь?

Фатих кивнул. Мутарх продолжил:

– Нам нужен настоящий предводитель. Не обижайся, мой друг, но мы оба ведь ничего не понимаем во всех этих штуках. Вот что, к примеру, значит это РНЭ – 1? Ума не приложу. Знаю только, что его необходимо использовать во время диагностики Резервного Ядра Пальмеи или по-другому – Наследия. Вот и все, что я знаю. И ещё то, что все лампочки справа должны гореть, а слева – мигать. А если наоборот? Тогда что? Вот тебе и раз, – подытожил Мутарх и налил себе ещё.

– Наше дело – обслуживать узлы и чинить кладку, – отозвался его гость.

Мутарх ткнул в него скрюченным пальцем:

– Говорю тебе, нам нужен... знаешь кто?

– Нет.

– Жрец-инженер, вот кто нам нужен! Во всех справочниках написано – в случае нестандартной ситуации обращайтесь к жрецу-инженеру или жрецу-программисту.

– Так, где ж его взять.

Мутарх поставил стакан, набил рот сыром и хлебом, прожевал, проглотил и сказал:

– Дурак ты, старший специалист. Знаешь, как понять, что перед тобой жрец-инженер или жрец-программист?

– Нет.

– Пора и тебе узнать. Это знание передается от одного зрителя Зеркальной башни к другому, но сейчас нештатная ситуация.

– Да говори уже, Мутарх.

Старик важно надулся и сказал:

– Если перед тобой человек, который делает то, чего ты не понимаешь и чего ты боишься, и после его действий то, что ты не смог починить, заработало, значит перед тобой жрец-инженер или жрец-программист.

Произнося это, Мутарх назидательно поднял вверх указательный палец.

– Уж не хочешь ли ты сказать...

Старик кивнул:

– Да, хочу. Если Муно Садриани починит Наследие, то перед нами жрец-инженер или жрец-программист. И значит, мы будем подчиняться ему, а не Хранителю. Потому, что так положено. А пока – знаешь, что?

– Нет.

– Помогай ему во всем. Я чувствую... чувствую, что он тот самый.

Фатих разлил остатки вина и кивнул. «Делает что-то непонятное и пугает», – подумал нугл. Хорошенькое дело. Только бы не сломал все окончательно этот Муно Садриани.

Бинокль немного дрожал, из-за чего картинка подпрыгивала и смещалась то вправо, то влево. Алексей положил его на колени и стал наблюдать за клиентом, который улегся возле обрыва в ожидании добычи.

Этот мужик вчера вытянул из Алексея все нервы. Он явно страдал каким-то душевным расстройством, его то тянуло на разговоры о вечном, то разворачивало в сторону бахвальства и злобного обсуждения совершенно незнакомых Алексею людей.

Алексей был владельцем маленькой, но вполне успешной фирмы, которая занималась элитным туризмом. Некоторых, особенно сложных и богатых клиентов, он сопровождал сам.

Обычно такое решение приходило само собой после того, как все гиды напрочь отказывались работать с туристом.

Поэтому каждый из клиентов Алексея был редкостной сволочью, и хозяин агентства ни за что не стал бы тратить на них свои нервы, если бы не астрономические суммы денег, которые турагент выставял горе-охотникам за свои услуги.

Этот хотел застрелить орла. Может, он переиграл в компьютерные игры, или в детстве его напугала в зоопарке хищная птица, но безымянный господин с животиком и жирной задницей очень хотел заполучить в свою коллекцию чучело охраняемого государством животного.

Алексей вчера явно выпил лишнего. Это не входило в его планы, но клиенту нужна была компания. Он начал пить ещё по дороге, а когда отряд прибыл на место, взялся за дело всерьез. Работники расчистили стоянку, установили палатки и уехали – Алексей старался учесть все пожелания каждого клиента, а этот извращенец хотел побыть в одиночестве. К несчастью, под одиночеством он подразумевал распитие дорогих крепких алкогольных напитков в компании Алексея.

Напившись, он стал нести откровенный бред, даже рассказал, как однажды во время заседания Государственной Думы на него напал дьявол. Алексей сделал из этого вывод – клиент является как минимум наркоманом и как максимум депутатом, а, значит, обращаться с ним нужно максимально

осторожно.

Тело в траве зашевелилось.

– Смотри, что это там? Должно быть, орлан! Какой здоровенный! Крылья белые!

Алексей снова поднял бинокль. Далеко в небе действительно парила крупная белая птица. Расстояние определить было сложно. Клиент снова забормотал:

– Попробую его уложить! Мы же его потом найдем?

Алексей пожал плечами:

– Не уверен. Подпусти его поближе.

Но птица не приближалась, продолжая парить в небе, летая большими кругами.

– А, черт с ним. Не найдем и не надо, – проворчал горе-охотник.

Раздался выстрел. Хищник продолжал кружить, он не обратил на это никакого внимания. Опустив бинокль, Алексей сказал:

– Слишком далеко.

Клиент молча передёрнул затвор и выстрелил ещё раз. Плюнул, злобно ругнулся сквозь зубы и снова нажал на спуск. Алексей покачал головой и поднял бинокль – он был уверен, что эта скотина с ружьём не попадет в цель на таком расстоянии, даже если выстрелит двести раз, но хотел в этом убедиться. В конце концов, шум испугает орла, и он спрячется внизу, а толстяк решит, что попал, и заставит Алексея искать трофей. Такое уже случалось, поэтому

опытный гид нажал кнопку записи на бинокле и стал следить за развитием событий.

Клиент произвел восемнадцать выстрелов подряд, а на девятнадцатом орлан исчез. Алексей включил режим просмотра записи и снова заглянул в окуляры – действительно, после последнего выстрела белая птица просто исчезла, будто бы ее и не было.

– Странно... – сказал он и протянул бинокль клиенту, – может, его разорвало пулей? Какой у вас калибр?

Тот скептически изучал запись, развалившись в траве.

– Калибр как калибр. Бинокль твой барахлит. Орёл, наверное, упал вниз. Я же говорил, что попаду.

Алексей не помнил, чтобы клиент что-то подобное говорил, но оставил при себе свои наблюдения. Он вообще плохо представлял, как охотник собирается искать трофей в ущелье, но при этом отлично понимал, что вниз придется тащиться вместе с ним.

Они повторно изучали запись, сделанную биноклем, когда над их головами раздался странный звук, похожий на смесь гудения и треска. Алексей поднял голову и замер – наверху, в воздухе, висела, слабо переливаясь, воздушная аномалия.

Клацнул затвор. Клиент пытался прицелиться в аномалию, но от страха оружие в его руках прыгало, будто живое. Наконец, он издал звук, похожий на поросычий визг и, выронив винтовку, пополз на карачках в сторону леса.

Алексей смотрел на слабо потрескивающую аномалию и пытался вспомнить, как нужно вести себя при появлении шаровой молнии. На молнию эта штука была не похожа, но больше никаких сравнений в голову не приходило.

Внезапно треск прекратился, мерцание сгустилось в большую каплю перламутровой жидкости, а затем приняло форму человека. За спиной у него торчали огромные белые крылья.

– Зуаранга, Тираэль?

Алексей обернулся на внушающий ужас голос и увидел кошмарное создание с огромными ручищами и рогами. Тело его покрывали изогнутые белые шипы.

– Зуаранга, Гартагарат, – ответил крылатый человек певучим голосом.

Тут Алексей заметил у ног рогатого монстра сжавшегося в комок клиента. Крылатый прошел мимо гида, едва скользнув по нему взглядом, и остановился напротив чудовища.

– Сараганда. Данзар сагат.

Рогатый сделал шаг назад. Летящий человек поднял руку к небу, и в ладонь ему упал луч света, да там и остался, превратившись в гудящий клинок. Лезвие его опустилось вниз, указав точно между глаз стрелка.

– Зачем ты поднял на меня оружие, смертный? – сказал крылатый вдруг изменившимся, трубным голосом, от которого вибрировали зубы.

– Я... я... я не поднимал... – пролепетал клиент Алексея.

– Твое оружие ещё дымится там, где ты его выронил. Твои глаза полны страха. Чего тогда ты боишься, смертный?

Смертный вместо ответа напрудил в штаны. Гратагарат проворчал:

– Он боится, что ты насадишь его на свой вертел.

– Не называй так небесное пламя, демон! – воскликнул малах.

Гратагарат выпустил из ноздри струю дыма, вызвав этим действием стон ужаса у лежащего на земле стрелка, и ответил:

– Давай я вырву ему сердце, и мы пойдем. Призрачный замок скоро покинет этот мир.

– Нет! Я буду вершить над ним суд! У нас есть свидетель преступления.

Тиразель повернулся к Алексею и сказал на языке людей:

– Отвечай, странник! Почему этот смертный поднял на меня свое оружие?

Гид понял, что существо обращается к нему. По какой-то причине Алексей не испытывал страха, скорее, любопытство. Возможно, он просто понял всю безвыходность ситуации, в которой оказался, и смог быстро ее принять.

– Мы охотились на орлов, – ответил он и поморщился. Какой же, всё-таки, извращенец этот мужик.

Ангел сказал что-то своему ужасному приятелю, отчего тот расхохотался.

– Орлы – гордые владыки небес вашего мира. Их мясо

жилистое и невкусное. Зачем вам орлы? – спросил Тираэль.

– Это трофей. Мы не собирались его есть, – пожал плечами гид.

Два существа принялись что-то обсуждать, иногда указывая на клиента Алексея. Наконец, крылатый опустил глаза и сказал:

– Ты прощен, жалкий, ничтожный слизняк. Я не буду мारать в твоей крови небесное пламя. Но если ты ещё раз выстрелишь в хозяина неба, я приду и раздавлю тебя, как таракана.

– Инграданар, – добавил Гратагарат.

Оба развернулись и не спеша направились в сторону леса, явно что-то обсуждая на своем странном языке.

Алексей ещё долго сидел, глядя в пространство. Клиент бил челом и пел псалмы, крича в небо слова благодарности. Интересно, какие он сделал выводы из всего этого? Ангел и демон вершили над ним суд. Гид был совершенно не религиозным человеком, но понимал, что это разрушало все известные ему каноны и устои. Одно Алексей понял совершенно точно – больше он не будет возить богатых скотов охотиться на редких животных.

Тираэль остановился на поляне, покрытой ковром мха. Из него выглядывали красные глазки ягод.

– Люди Земли не сильно изменились.

– Аминь. Ты нашел то, что нам нужно? – спросил Грата-

гарат.

– Да. Это внизу, в ущелье.

– Много?

– Достаточно.

Странная пара направилась вниз, по склону, поросшему лесом. Спустившись в низину, они двинулись по дну обмелевшей реки, пока не упёрлись в забор из металлической сетки. Гратагарат взмахнул рукой, и рабица безвольно повисла, освободив проход. Очень скоро двое остановились возле отлитой в земле огромной бетонной плиты, в центре которой располагался большой, покрытый желто-зеленой краской выпуклый люк.

– Вход должен быть рядом, – сказал демон. Ангел кивнул.

– Туда, – он протянул руку в сторону, и они двинулись вокруг бетонного круга. Тираэль остановился возле утопленной в землю металлической двери. Демон бросил на нее хмурый взгляд.

– Слишком толстая.

Малах поднял руку и вытянул перед собой небесный огонь.

– Отойди подальше, Гратагарат.

Рогатый демон презрительно фыркнул, но все же сделал несколько шагов назад. Сотканый из лучей света клинок прошел сквозь металл со скрежетом, и мышцы на спине Тираэля вздулись буграми, когда он повел лезвие вниз. Летели искры, свистел раскалённый воздух, вырываясь из пробитой

небесным огнем дыры. Через минуту тяжёлая дверь упала внутрь. Гратагарат отодвинул плечом малаха и шагнул прямо в заполненный дымом темный коридор. Ангел подождал немного и двинулся следом.

Подземное хранилище было полностью автоматизировано. Блестели серой краской боеголовки, ровными рядами лежащие в своих гнездах. Пусковая шахта поднималась далеко вверх, теряясь во тьме. Демон огляделся.

– Уходи, Тираэль. Плутоний подобен свету Майронида. Он пощадит только жителя Нижнего Плана.

Ангел кивнул и ушел, забрав с собой свет небесного меча. Когда он скрылся за поворотом лестницы, рогатый демон рыкнул, и в темноте раздался стон рвущегося металла.

Гратагарат вывалился из бункера, объятый клубами дыма, таща за собой два больших металлических ящика. Тираэль сидел на верхушке антенны, принимающей сигналы извне.

– Приготовь свинцовые плиты, которые мы забрали в прошлый раз. Сделай из них большой саркофаг с крышкой, – сказал демон.

Взмахнув белоснежными крыльями, малах унесся в небо. Рогатый взвалил на спину тяжёлую ношу, злобно рыкнул и потащил набитые очищенным плутонием ящики в гору.

– Посмотрим, как тебе понравится рецепт Гратагарата, мерзкое Хашат, – бормотал он, пуская думы от натуги.

Инспектор Бремер намазал колени грязью, которую выгреб со дна соленого озера, и пошлепал к душевым кабинам. Большинство предпочитало услуги массажиста, делая аппликации целебной грязью прямо в пансионате, лёжа на кушетке, но Ганс во все это не верил. Ему казалось, что свежая, только что добытая со дна грязь куда полезнее той, что лежала в больших тазах в процедурных кабинетах.

Он включил душ и смыл черную маслянистую массу с рук, после чего уселся на скамью и принялся слушать птиц.

После ранения здоровье старого полицейского заметно пошатнулось, разболелись суставы и кости. Гектор Хронвек рекомендовал своему другу провести несколько месяцев на водах, и в своей обычной манере сразу же выдал ему уже оплаченный на полгода абонемент в одном из лучших бальнеологических курортов Германии.

В пансионате было несколько скучно, но дело того стоило – Бремер с каждым днём чувствовал, как к нему возвращается прежняя энергичность. Суставы почти перестали докучать Гансу, у него даже улучшилось зрение.

Бремер почти заснул, слушая пение птиц на теплом солнышке, когда понял, что его кто-то зовет по имени.

– Бремер? Ганс Бремер?

Инспектор открыл один глаз и увидел двух молодых людей в черных костюмах.

– А кто спрашивает? – поинтересовался он сонным голо-
сом.

– Отдел по борьбе с экономическими преступлениями.
Мы хотим задать вам пару вопросов.

Полицейский полностью проснулся и сел.

– Задавайте. Но учтите, я уже давно на пенсии.

Господа в штатском переглянулись.

– Боюсь, вам придется с нами проехать, герр Бремер.

Инспектор удивлённо приподнял брови:

– Конечно, боитесь. Это называется похищение человека.

Здесь полно охраны, стоит мне крикнуть, как вас тотчас вы-
швырнут вон.

Один из них сунул руку в карман и вытащил лист бумаги.

– У нас ордер на ваш арест, герр Бремер.

– А что, теперь, чтобы задать пару вопросов, принято аре-
стовывать? Когда я служил, такого не водилось. Ну да ладно,
господа. Ведите, раз уж у вас такая бумажка.

Не спеша отмыв целебную грязь с колен, инспектор вер-
нулся к представителям закона. Один из них держал в руках
его одежду.

– Все ваши вещи уже в машине. Одевайтесь.

Бремер неторопливо натянул штаны, застегнул рубашку
и зашнуровал туфли. Затем его проводили в тонированный
черный микроавтобус с молчаливым водителем и повезли
в город. Сопровождающие его люди в костюмах тоже молча-

ли, из чего инспектор сделал вывод, что они просто исполнители. Значит, вопросы ему будут задавать позже. Рассудив таким образом, Бремер закрыл глаза и заснул.

Автобус привез его в Мюнхен, в здание, которое относилось к юстиции. Попав внутрь, Ганс Бремер понял, что он оказался в тюрьме. Камеры закрывались стальными дверями без окошек, охраны было немного. Никакого двора для прогулок инспектор не заметил. Его заперли в одной из наводящих тоску клетушек и оставили одного. Чемодан с вещами у него не отобрали, поэтому полицейский, достав оттуда книгу, устроился на кровати и погрузился в мрачный нуар скандинавского детектива.

Через полтора часа за ним пришли. Охранник проводил Ганса в комнату со стулом и столом и ушел. Вскоре дверь открылась, и в помещение зашел человек с погонями ефрейтора.

– Бремер, Ганс?

– Нет, – ответил Бремер.

– Это ваши документы?

– Да. Вы сами их у меня забрали.

– Тут написано, что вас зовут Ганс Бремер.

– И что?

Ефрейтор впал в ступор. Бремер спросил:

– Скажите, а, может быть, вы – Ганс Бремер?

– Что?

– Ну, один из нас должен им быть в любом случае. Посудите сами – Бремера арестовали, не предъявив никаких обвинений, заперли в камере, а потом притащили в эту самую комнату. Потом сюда же вошел офицер, который не считал нужным представиться, и стал задавать тупые вопросы. Кроме нас тут никого не было, из комнаты никто не выходил, поэтому вполне логично предположить, что Ганс Бремер – один из нас.

Ефрейтор совсем растерялся.

– Я... вы...

– Кажется, вы начинаете улавливать суть. Итак, вы – Ганс Бремер?

– Нет.

– В таком случае, Ганс Бремер – это я. Вы отличный детектив, поздравляю.

Собеседник инспектора рухнул на стул.

– Бремер, перестаньте паясничать.

– Отчего же? Я нахожу это очень забавным.

– Вы усугубляете ваше и без того незавидное положение.

– Какая досада. Кстати, вы так и не представились. Хотя, чего ждать от похитителей.

– Простите?

– Да ни за что. Передайте вашим подельникам, что Ганс Бремер не сотрудничает с похитителями. Предлагаю вам поскорее меня отпустить, пока у вас не начались проблемы самого неопишуемого свойства.

Ефрейтор вскочил и навис над арестованным.

– Вы смеете мне угрожать?!

– Что вы, что вы. Я не в том положении. Просто предупреждаю вас исключительно из человеколюбия.

Офицер снова сел и спросил уже более спокойным тоном.

– Я так понимаю, вы отказываетесь сотрудничать со следствием?

– Следствием чего? Следствием моего похищения будет нечто весьма увлекательное, это я могу гарантировать. Правда, увлекательно это будет не для вас.

После этих слов ефрейтор вскочил и выбежал вон.

Через пятнадцать минут в кабинет для допроса вошёл ещё один офицер, рангом постарше. На вопрос, согласен ли Бремер отвечать, инспектор кивнул. Мужчина уселся и сказал:

– Мое имя Клаус. Вы были задержаны в связи с расследованием незаконной продажи очень редкого радиоактивного изотопа. Что вам об этом известно?

– Ничего не известно. И почему, собственно, мне должно быть что-то известно?

Офицер сделал пометку в блокноте.

– Вы расследовали серию убийств, в которых фигурировал некий Гектор Хронвек.

– Все верно.

– У нас есть информация, что вы имели с ним несколько контактов.

Бремер пожал плечами.

– Насколько мне известно, этот человек давно умер.

Снова чиркнув в блокноте, Клаус спросил:

– Вы имеете отношение к похищению российского олигарха Рустама Исмаилова?

– Ничего об этом не знаю.

– Что вы можете рассказать о международном переводе тридцати миллионов евро?

– Никогда не держал в руках таких денег.

– Где вы проживали последний год?

Инспектор усмехнулся.

– В Морантане.

– Что, простите?

– В Морантане. Это государство на востоке.

– Я никогда не слышал о Морантане.

Ганс пожал плечами, будто говоря: «И какое мне до этого дело?» Офицер спросил:

– Чем вы там занимались?

– Помогал одному приятелю с одним делом, – ответил Бремер.

– Что это было за дело?

– Понимаете, наш мир хочет уничтожить одно очень сильное существо. Мой приятель пытается помешать ему.

Клаус отложил ручку и посмотрел на инспектора долгим взглядом.

– Вы же не шутите, я прав?

– Правы.

Подумав немного, Клаус спросил:

– И какова ваша роль в этом деле?

Ганс махнул рукой.

– Да ничего особенного. Что я могу? Дать пару советов, не больше. Послушайте, молодой человек. Этот разговор вам не по зубам. Я с удовольствием поговорю с кем-нибудь более... компетентным, но с вами у нас точно ничего не выйдет.

– Почему же?

– Да потому, что вы не умеете слышать. О чем вы сейчас думаете?

Офицер немного растерялся. Ганс продолжил:

– Я сказал вам, что помогаю предотвратить конец света, а вы спрашиваете, какова моя роль в этом деле. Вы что, идите? Вот, к примеру, ваш врач говорит вам, что у вас рак. И что, вы тоже спросите, какова его роль во всем этом?

Бремер отвернулся и впал в задумчивость. Клаус ещё немного посидел, потом молча встал и вышел, прикрыв за собой дверь. Ганса снова отвели в камеру.

Вечером к нему заглянул очень приятного вида пожилой господин в дорогом бостоновом костюме. Он уселся на койку рядом с заключённым и протянул ему руку.

– Добрый день. Мое имя Маркус. Маркус Герлинг. Я занимаюсь судебной психиатрией, но не спешите делать поспеш-

НЫХ ВЫВОДОВ.

– Спешить мне некуда, господин Герлинг, – ответил Бремер, откладывая книгу. Профессор улыбнулся.

– Вы неплохо поиздевались над сотрудниками департамента. Теперь они думают, что вы сумасшедший.

Узник только пожал плечами. Маркус спросил:

– Они ведь так и не сказали, в чем причина ареста?

– Нет. Думаю, через пару дней меня отпустят.

– Не могу за это поручиться. По делу о двойном убийстве на Майнер-штрассе много вопросов, ещё больше их в деле об убийстве в баре Маргарита.

– Я просто делал свою работу.

– Да, я понимаю, понимаю. Расскажите, что вы об этом думаете? Отчёты я видел, но, возможно, вы захотите что-то добавить, не для протокола?

Бремер посмотрел на психиатра долгим взглядом, и сказал:

– Заклинание Горящего охотника.

– Заклинание?

– Да, оно превращает человека в идущую по следу машину для убийства. Никаких сомнений и почти никаких мыслей. Чутье, реакция, сила – все усиливается многократно. Горящий охотник остановится только тогда, когда выследит и убьет свою добычу.

– Насколько я понимаю, так вы объясняете необычную смерть киллера в баре и неизвестного на пристани?

– Да. Горящий охотник беспощаден.

– Любопытно. Но кто этот горящий охотник, и почему он расправился с этими людьми?

Ганс кивнул.

– Вы задаете верные вопросы. Гектора Хронвека пытались убить в его квартире на Майнер-штрассе, но все вышло несколько иначе. Иногда охотник превращается в жертву, особенно если эта жертва – Гектор Хронвек.

Профессор Герлинг потёр подбородок, размышляя.

– Значит, он всё-таки жив.

Бремер не ответил. Маркус сказал:

– Есть ещё один вопрос. Вы встречались с человеком из контрразведки, Максом Баксоном. Он утверждает, что вас интересовала личность заказчика, убитого на пристани, и вы выложили приличную сумму за то, чтобы прояснить обстоятельства дела. Зачем, герр Бремер?

Инспектор улыбнулся.

– Вы приятный человек, Маркус. Но я не буду отвечать на ваши вопросы.

Герлинг кивнул.

– Прошу прощения. Я не хотел на вас давить. Надеюсь, мне удастся побеседовать с вами ещё раз. Уж больно все это интригует.

Психиатр попрощался и ушел. Бремер снова улегся на кровать, взял в руки книгу, но затем отложил ее и задумался. Они сумели развязать язык даже Максу Баксону. По-

хоже на работу Службы национальной безопасности. Теперь понятно, откуда появился ордер. BND и не такое может. Значит, он застрял тут минимум на три месяца – Призрачный замок сменил полярность чуть меньше полугода тому назад, на лечении инспектор провел два раза по месяцу с перерывом в три недели. Хронвек найдет его, как только вернется, в этом старый полицейский не сомневался. А пока – может быть, действительно стоит рассказать все этому Герлингу? Он на редкость приятный собеседник. В любом случае, такая история дальше картотеки его кабинета не уйдет. Ганс усмехнулся и продолжил чтение.

Слезы Матери

Нужно всегда оставаться собой. Так сказала ему Дака Кад-Хедарайя, щуря свои кошачьи глаза.

Гектор потрянул головой, скидывая капюшон и оцепенение, вызванное тревожным ожиданием, и заскользил по склону бархана.

Перед разговором, который ждал его впереди, Хронвек хотел пройтись, и пройтись, как следует, чтобы загудели ноги, чтобы разогрелась мышца, и проветрились мозги.

Это была самая прохладная часть года в Зунтре. Солнце продолжало выжигать землю своими лучами, но планета повернулась к нему боком. В другой части пустыни, за тысячами песчаных холмов, стояла смертельная жара, но здесь,

в безымянном регионе, где расположился Призрачный замок, сейчас была зима.

Хранитель спустился со склона и стал подниматься на следующий бархан. Слабый ветер охлаждал затылок, песок струился под ногами, будто золотая вода. Хронвек хмурился, погруженный в свои мысли.

Гратагарат сказал, что ледяное ядро его мира нагревается. А ещё он сказал, что Хронвек может спросить об этом Майрониду. Само огненное небо Нижнего Плана. Богиню Рогатых демонов. Ведь он Скурр, почему бы не спросить?

Но Майронида не говорит с ним. Она могла бы спросить, хочет ли он быть ее пророком. Даже Хашат сначала заключило сделку с Монархом. Грязную, но сделку. Ужасные заклинания небесного огня поселились в голове Хранителя, они вызывали мигрени, требуя, чтобы их применили. Ирминг рассказывал, как он носил в себе проклятие Худу. Как оно распирало Предвестника изнутри. Это было очень похоже на то, что чувствовал Хранитель. Что же, Гектор выпустит на свободу один из божественных подарков. Но в этот раз на своих условиях.

Хронвек забрался на высокий бархан, острым гребнем уходящий далеко за горизонт, и встряхнул кисти рук. Пальцы покалывало. Рагат сам-айятта. Руки сами сложились в знак, пальцы вытянулись вдоль невидимых линий, тонкие потоки энергии заструилась, изменяя ткань мертвого Зунтра. Эфир задрожал, завыл от напряжения, вызванного

противоестественным действием, его волны рванулись ввысь и погасли далеко наверху – там, где гудел солнечный ветер, свободный и бесконечный. Огонь Майронида требует выхода. Хронвек посмотрел в белое небо.

– Рагат! Сам-Ай! Сам-ай-ятта! – древние слова Нижнего Плана едва слышно сорвались с губ, и давление пропало.

Огонь в груди утих, сила иссякла. Гектор опустил руки, прислушиваясь. Тишину пустыни нарушал только слабый ветерок, он шуршал песчинками, бросая их на замшевые сапоги мага.

Едва слышное гудение донеслось сверху. Оно нарастало, усиливаясь по мере приближения. Затем появилась вибрация, и вместе с ней Хранитель почувствовал, как возвращается к нему сила. А потом пошел дождь.

Он обрушился на пустыню с яростью, с ревом, внушая трепет. Огненный дождь, Рагат. Гнев Майронида, страшный гнев матери – сам-ай-ятта, так называли его жители Нижнего Плана. Нет ничего страшнее слез Майронида, падающих с небес – ведь она плачет чистым гневом.

Стоя под струями адского пламени, Гектор сжал покрытые черными шипами кулаки и закричал громче огненного шторма, и объятые пламенем рога над его головой вспыхнули ещё ярче и злее.

– Майронида! Приди ко мне! Я буду с тобой говорить! Я, Скурр! Инграданар!

Пламя ревело, пожирая песок. Потоки плазмы стекали с бархана, образуя ручьи и реки бурлящего огня, эфир стоял, а огненный демон смеялся, подставив лицо ливню Армагеддона. Но богиня молчала.

Он крикнул снова:

– Отзовись, Мать! Я затоплю огнем этот мертвый мир, но услышу твой голос!

Языки пламени вдруг перестали метаться – в их движении больше не было хаоса, теперь это был танец, изящный и завораживающий. Гектор оглянулся, удивленный, а когда снова посмотрел перед собой, то увидел Майрониду.

Она была совершенна. Женщина-демон с длинными хрустальными рогами, пылающими голубым огнем. Ее черты пленяли, ее грация ослепляла. Она была настолько совершенна, что смертный просто не мог вынести этого. Хронвек упал на колени и замер, не смея вздохнуть.

– Как ты посмел?! – голос ее был столь же прекрасен, он внушал любовь, трепет и ужас одновременно.

Гектор начал забывать, кто он такой. Хранитель растворялся в совершенстве богини, ее мощи, силе и бесконечной мудрости. Теперь он ее раб и будет служить Майрониде до конца своих дней. Вот оно, его истинное предназначение.

– Любишь, когда тебе поклоняются? – неожиданно услышал он знакомый женский голос. – Я так и знала, что дети

сильно преувеличивают твои достоинства, Мать всех Рогатых.

Наваждение ослабло. Хранитель поднял голову и с удивлением уставился на женскую тень, стоящую рядом с прекрасной Майронидой. Тень вся была соткана из тысяч черных всполохов, которые сплетались в танце с языками огня. От нее тянуло древней силой жизни, волей, страстью и гневом, и он сразу же вспомнил, как зовут бесстрашную женщину, которая не побоялась наругать великой богине.

– Всё ещё разгорается, – сказал Стурастан, ни к кому не обращаясь.

Он стоял на стене, наблюдая, как за горизонтом пылают цветы огня. По правую руку от наставника замер, облокотившись на парапет, долговязый Муно.

– Удивительно, – сказал Линчеватель, – протуберанцы плазмы будто касаются самого солнца. Я никогда не видел, как разговаривают с богами, но, должно быть, так это и выглядит.

Авель, который сидел на широком зубце стены, сложив ноги по-турецки, заметил:

– Что-то долго они беседуют. Может, Майронида предложила Гектору перекинуться в кости?

– Черепаха Вилано вернулась шесть часов назад, – отве-

тил Стурастан.

Дака Кад-Хедарайя, которая мрачно разглядывала горизонт, не участвуя в дискуссии, процедила сквозь зубы:

– Огонь горит уже четвертый час. Но ветер больше не несёт раскалённый воздух.

– И что это значит? – спросил обеспокоенно Стурастан.

– Это значит, что она здесь.

– Майронида?

– Да.

Все погрузились в раздумья, наблюдая за огненными цветами, что распускались над далеким горизонтом.

– Гектор способен испепелить ее пламенем любые армии, – тихо сказал наставник. – Эту мощь просто невозможно описать.

– Будто само солнце протянуло свои руки к земле, – добавил Авель.

На стену поднялся Тираэль. Он распахнул крылья, ловя потоки горячего воздуха, затем сложил их и сказал, дотронувшись до плеча Черной Пантеры:

– Слишком долго.

Она повернулась.

– Слишком долго – что, повелитель намеков?

– Ты говоришь, как Рогатый.

– А ты говоришь, как беременная баба. Что слишком долго?

Тираэль немного помолчал, успокаивая гнев.

– Она бросила легионы Планов на погибель во время Битвы Заклания, оставив демонов без своей силы. И после этого никто не слышал ее голоса.

– И что?

– Это она. Я чувствую. Это уже не просто пламя Нижнего Плана, как было в начале. Посмотри на эти вихри. Почувствуй их. Это не огонь, Дака Кад-Хедарайя. Это сама Майронида спустилась с небес.

Черная Пантера отвернулась, разглядывая зарево.

– Ты прав, Малах. Значит, они разговаривают.

– Это ничего не значит. Боги не похожи на нас, Черная Пантера. Они недоступны нашему пониманию. О чем может так долго разговаривать Майронида со своим Скурром? Я ей не доверяю.

– Думаешь, случилась беда? – взволнованно воскликнул Стурастан.

Малах пожал плечами:

– Возможно.

Авель вдруг вскочил и метнулся к Черной Пантере, которая медленно оседала на пол. Стурастан бросился следом, и они вместе подхватили женщину, аккуратно положив Даку Кад-Хедарайю на камни парапета. Едва чёрное тело коснулось земли, как его выгнуло дугой. Вор охнул и отвернулся, покраснев.

– Это магия чресел! – закричал Стурастан. – Помоги мне,

Тираэль! Воришка слишком слаб для такого!

– Что с ней? – спросил малах, склонившись над ними.

– Черная Пантера пытается помочь Хранителю. Это очень прочная ментальная связь, некогда объяснить! Просто дотронься до нее!

Ангел упал на колени, накрыв крыльями наставника и Черную Пантеру. Его холодные ладони, направляемые руками Стурастана, прижались к животу женщины.

– О, первородный гнев! – воскликнул малах – Это Адун, колдовство черных жриц Саноо, я слышал о нем! Да хватит же мне сил вернуться назад, будь проклят безумный Ирганд!

И ангел исчез, а Даку Кад-Хедарайю окружило прозрачное, потрескивающее марево. Стурастан с воплем отпрянул, глядя на свои, покрытые мельчайшими порезами, запястья.

– Как они смогут ему помочь? – спросил вор, разглядывая боевую трансформацию Тираэля.

Муно снова повернулся в сторону пылающего горизонта и пробормотал, постукивая твердым ногтем по кладке стены:

– Хотел бы я послушать, о чем они говорят.

Гектор смотрел на Мать, не смея отвести взгляда. Она была безупречна. Как столь величественное существо могло появиться в этом мире? Оно пришло сюда из-за края време-

ни и пространства, оттуда, где нет ничего вечного, непознанного и невозможного. Оттуда, где все началось, и где все закончится. Он не имеет права ей перечить.

– Ну что, довольна? – снова этот голос. Дака Кад-Хедарайя, почти неузнаваемая в этом странном облике из черных теней, танцующих подобно огню, говорила с великой богиней, как с равной. Хронвека пронзил ужас, когда он понял, что Майронида все слышит и понимает.

– Хочешь, я подарю тебе куклу? – не унималась Черная Пантера. – С ней тоже можно играть. Она такая же бестолковая, как твой Скурр. И проку от нее столько же. Или тебе непременно нужно, чтобы куклы пялились на тебя в восхищении, пуская слюни? В таком случае, заведи собаку.

Пылающая женщина-демон даже не шелохнулась, будто бы не замечая черной тени, однако Хронвек вдруг вспомнил свое имя – наваждение отступило.

– Гектор. Ты жаждешь ответов. Спрашивай! – приказала хозяйка планеты-звезды.

Воля быстро возвращалась к Хранителю. Он собрал в кулак все свое мужество и сказал:

– Почему ты не уничтожила Хашат? Это все, что я хочу знать.

Хрустальные рога качнулись, когда Майронида повернулась к Черной Пантере.

– Уходите. Я принимаю твой гнев, малах, и твою мудрость, жрица.

– Да будет так, – ответил оживший сумрак и растворился в пламени Нижнего Плана.

Дака Кад-Хедарайя исчезла, но ее поддержка осталась, давая магу силы.

Майронида повернулась к Хранителю.

– Ты просишь знания, но сможешь ли ты понять?

– Смогу! Почему ты бросила легионы Нижнего Плана на смерть? Почему лишила своей силы Маналу Темного? Твой огонь всесилен! Ты не ответила моему отцу, так ответь мне! Я не могу разобраться в том, что происходит! Почему тают льды Внутренней сферы? Почему небо Нижнего Плана гаснет? Почему Хашат все еще терзает Ожерелье Пальмеи, если есть великая Майронида? Ответь мне, Мать! Я твой Скурр, Инграданар!

На прекрасном лице промелькнула грусть, и Майронида ответила. И в голосе ее не было величия.

– Никто из детей не сможет понять. Вас миллионы. Вы любите и ненавидите, деретесь, миритесь, гибнете и снова рождаетесь из грязи и пепла. Вам никогда не удастся познать одиночество. Даже в самой темной норе, в самой глубокой пещере есть жизнь. Или смерть – для тех, кто устал. Я могу рассказать тебе о выброшенных на одинокие острова матросах, которые научились дружить с птицами. Или узниках, которые удавились на ремне, устав от тоски. У вас всегда есть выход. Поэтому ты не сможешь понять меня, Гектор.

– Дай мне шанс, Майронида.

– Молчи, Скурр. Ты спросил, почему я не стала убивать Хашат. Ты же знаешь, что оно не всегда было таким? Я вижу, что знаешь. Ты понял больше, чем Манала. Великая Пальмея была равной мне. Она была светом и тьмой моей реальности. Она была чайкой, что прилетала к одинокому матросу, живущему на утесе посреди океана. Она была крысой, которая ела с рук узника в глубокой темнице. Она была моей надеждой. Твоя жизнь лишь мгновение, Скурр. Я была всегда и всегда буду. И я не уничтожу Пальмею, даже если она в своем безумии разрушит все.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.